

18+

ВИКТОР АЛЕХИН

АДЕКВАТНЫЙ ОТВЕТ

Виктор Алехин
Адекватный ответ

«Издательские решения»

Алехин В. А.

Адекватный ответ / В. А. Алехин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533273-8

В отдел полиции по убийствам поступает информация о том, что на окраине городского парка ударом в затылок каким-то предметом убит молодой человек. По предварительной версии, пострадавший — студент. От прохожего мужчины удалось узнать, что недавно здесь проходил парень с толстыми губами. Было установлено, что убитый молодой человек был студентом второго курса технического университета. Студенты университета оказали немалую помощь в розыске. В итоге преступник был задержан.

ISBN 978-5-00-533273-8

© Алехин В. А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Адекватный ответ

Виктор Андреевич Алехин

© Виктор Андреевич Алехин, 2021

ISBN 978-5-0053-3273-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Полковник полиции Евгений Николаевич Миловидов сидел за своим рабочим столом, наполовину заваленным толстыми папками с разными материалами, документами о работе отдела по борьбе с преступностью за последние три месяца. Одна раскрытая зеленая папка лежала перед ним. Он с неослабевающим вниманием вчитывался в тексты донесений, иногда ухмыляясь, иногда недовольно хмурясь, и, видимо, от какой-то внезапно нахлынувшей, неотступной злости сжимал челюсти и скрипел зубами. Тут все ясно: что-то, разумеется, ему в делах не нравилось, как это всегда бывает у всех начальников, проверяющих работу своих подчиненных, их активность, успехи и провалы в поисково-розыскной деятельности.

Полковнику было 42 года. Энергичный, волевой, уравновешенный, спокойный даже в самых острых, горячих, очень опасных ситуациях, уважительный и в некоторой степени благодушно-простодушный, он вызывал к себе адекватно-зеркальное отношение со стороны сотрудников отдела за свои многочисленные положительные чисто человеческие и профессиональные качества. Довольно рослый, физически развитый, крепкий, плечистый, он казался человеком, который всю жизнь занимался спортом и даже имеет в этом плане крупные заслуги. Он окончил высшее учебное заведение, работал в разных городах следователем, опером, занимал руководящие посты разных уровней, незаметно продвигался по службе и, конечно, по воинским званиям. На его погонах со временем становилось все больше звездочек, маленькие звездочки заменялись более крупными и яркими, и погоны становились значительно красивее и внушительнее.

Евгений Николаевич с таким самозабвением углубился в изучение материалов о работе отдела и его сотрудников относительно работы по выполнению поставленных высшим руководством задач, требований по борьбе с преступностью в ее самых разных проявлениях, что совсем отвлекся от всего мира, и ничего более интересного, важного, более-менее значительного, чем борьба с преступностью, для него не было и не могло быть. Он ничего не видел, не слышал, не замечал ярких, ласковых лучей солнца, широким потоком льющихся в кабинет. Не слышал, как в коридоре шли люди, стучали каблуки по выложенному плиткой полу, как хлопали двери соседних и отдаленных кабинетов. Он не слышал, будучи до предела, до упора поглощенным своей работой, как дверь кабинета почти бесшумно растворилась и в него вошла сотрудница отдела, следователь Ирина Матвеевна Суворова. Мягко, плавно, на цыпочках, балансируя руками, чтобы не спугнуть сладостное вдохновение начальника, она подошла к столу, стоящему перпендикулярно столу полковника и, словно пушистый одуванчик, присела в мягкое кресло. Она мимолетно улыбнулась, посмотрела на Миловидова, все еще не видевшего и не слышавшего ничего вокруг и склонившегося над документами, вникая в каждое предложение, каждое слово. Ирина Матвеевна не выдержала тишины кабинетного молчания и тихо сказала:

– Доброе утро, Евгений Николаевич!

Полковник, будто услышал выстрел из пистолета, резко отпрянул от папки с документами и взглянул на следователя. Но он не просто взглянул на нее, его взгляд как будто магнитился к женщине, и полковник ничего не мог с этим поделать.

– Доброе утро, Ирина Матвеевна! – с душевной мягкостью сказал начальник.

– Вы давно пришли? – Пронзительно глядела следователь на своего начальника.

– А я тут кое-чего почитал, – полковник закрыл папку и отодвинул ее на самый край стола, будто она мешала ему беседовать со следователем.

– Я так и думала, – ласково улыбнулась Ирина Матвеевна, -поэтому старалась пройти в кабинет тихо, чтобы не помешать вам. Между ними постепенно сложились простые чисто человеческие отношения, и начальник, когда случалось оставаться наедине с Суворовой, часто

обращался к ней на «ты», но в присутствии других сотрудников отдела, на официальных совещаниях, заседаниях – всегда на «вы».

Ирина Матвеевна работала в отделе неполный год, и за это время их отношения стали доверительными и теплыми, что не так часто бывает между начальником и подчиненным по службе.

– Как твое здоровье, самочувствие?

– Как и всегда. Все в норме: и здоровье, и самочувствие. А у тебя?

– Тоже все нормально. А как твое настроение? Настроение – очень важный момент здоровья.

– Тоже хорошее. Да разве может быть плохое настроение в такой прекрасный летний день? – с чувством подъема сказала следователь. – Посмотри, как ярко светит солнышко. Греет нас, светит нам, чтобы мы жили на этом свете хорошо, счастливо, мирно. Вся природа дышит неподдельной красотой, она цветет, улыбается и нам передает свою энергию, чтобы мы были спокойными и здоровыми. Ты замечаешь, что твой кабинет буквально залит золотом солнечных лучей. Мне так и кажется, что в мире, в повседневной жизни людей царит блаженное спокойствие свойственное для каждого человека, и что преступников больше никаких нет и никогда не будет.

– Твои слова да Богу в уши, – улыбнулся полковник. – Вот бы так было, как ты представляешь и рисуешь. Тогда нам нечего будет делать.

– Вот и хорошо. Будем заниматься другими делами, – размечталась Ирина Матвеевна.

– Я согласен заниматься другими делами. Только не такими, какими мы сейчас занимаемся.

– Когда в наш отдел звонят и говорят, что где-то убит человек, мне вспоминаются слова поэта: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, – такая пустая и глупая шутка».

– Лермонтов, – уважительным тоном сказал полковник.

– Я люблю Лермонтова – сильный, великий поэт.

– Я тоже люблю Лермонтова, – признался Евгений Николаевич. – Замечательный поэт.

И в этот момент благодушно-розовых мечтаний кабинетную тишину резко взорвал телефонный звонок.

– Я слушаю! – с резкой нервозностью схватил трубку начальник. – Полковник Миловидов.

– Убит человек, – скорбно сказал неизвестный мужчина.

– Где? В каком месте?

– На южной стороне городского парка. За оградой.

– Мужчина, женщина?

– Молодой человек. Очень молодой, – и на этом разговор прервался.

Полковник не положил, а скорее швырнул трубку на телефонный аппарат.

– Негодяи, сволочи! – негодовал Миловидов. – Когда же они переведутся? – Ира, – он беспокойно взглянул на следователя, – забирай Кругликова и Цыплакова и быстрее езжайте. По свежим следам может быть что-нибудь пронюхаете.

Ирина Матвеевна взяла свою сумочку и моментально выскочила из кабинета. За дверь чуть ли не столкнулась с молодым опером Кругликовым и патологоанатомом Цыплаковым, которые хотели войти к начальнику отдела.

– Кругликов, Цыплаков, – резко махнула рукой Ирина Матвеевна, – поехали! Быстрее!

– Опять труп? – еле поспевая за женщиной, спросил двадцатилетний старлей Кругликов, исполняющий обязанности опера.

– Опять!

– Когда же все это прекратится? – негодовал тридцативосьмилетний патологоанатом капитан Цыплаков.

– Никогда, Цыплаков! – сказала Ирина Матвеевна, выбегая на улицу. – Скорей! Машина нас уже ожидает.

Через тридцать минут группа была на месте преступления. Территория почти безлюдная. Нормальной проезжей дороги здесь не было. Кругом унылая, какая-то безжизненная пустошь, пространство которой простиралось до соседнего микрорайона. Здесь не было видно ни машин, ни людей, не было жилья, домов, линий электропередач. Одним словом, безлюдный, заброшенный, полудикий островок на территории города. И лишь вдали, километра за два от парка, возвышались современные двадцатипятиэтажные жилые коробки, в некоторых местах виднелись какие-то трубы, из одной темными густыми клубами валил не то дым, не то пар или отходы от сгоревшего газа.

Место преступления было очень близко к ограде парка. Здесь росла трава в некоторых местах такая высокая, что в ней без проблем мог спрятаться взрослый человек. Ирина Матвеевна, опер Кругликов и патологоанатом осмотрели труп со всех сторон, причем не один раз, а раза три или четыре. Они внимательно, очень даже внимательно присматривались к самым мельчайшим деталям, приминали траву по периметру трупа, рассматривали всякие более-менее увесистые камни, обломки кирпичей на предмет их использования для совершения убийства. Убитый лежал вверх лицом с раскинутыми руками. Патологоанатом Цыплаков приступил к рассмотрению трупа. Начал, конечно, с головы, так как на тыльной стороне шеи виднелись кровавые подтеки. Он поворачивал очень осторожно голову в стороны, затем, присев на корточки, приступил к рассмотрению ее верхней половины.

Минут через двадцать Цыплаков закончил осмотр и подошел к Ирине Матвеевне. Она и опер Кругликов стояли в сторонке и ожидали результатов предварительного изучения трупа.

– Что скажете, Дмитрий Савельевич? – спросила следователь.

Цыплаков засунул в карман джинсов носовой платок, которым вытирал руки после осмотра трупа. Он провел ладонью по голове, несколько секунд подумал, глядя вниз на всякий мусор, валявшийся вблизи убитого.

– Молодому человеку не более двадцати двух-двадцати трех лет. Думаю, что это студент. Видимо, из культурной семьи. На нем новая и красивая бледно-голубого цвета сорочка, модные джинсы. У него очень сильная черепно-мозговая травма от удара каким-то тяжелым предметом, можно сказать по самой макушке. Рана на голове имеет почти круглую форму. Образовалась небольшая трещинка от удара по голове. Все это говорит о том, что убийца использовал для своей цели не плоский предмет, а скорее круглой, шарообразной формы. Это или железный предмет, или камень очень твердый и круглый. Более внимательно рассмотрим тело в морге.

– Федя, – обратилась Ирина Матвеевна к оперу Кругликову, когда Цыплаков перестал говорить, – проверь все до единого кармана на сорочке, джинсах. Все, что там найдешь – забери. Пригодится.

– Ирина Матвеевна, – с вежливостью порядочного человека сказал молодой опер, – я уже проверил все до единого кармана, когда вы ходили по территории в поисках возможных улик. Поэтому вы не заметили. Карманы были на половину вывернуты. Все до единого.

– Конечно, преступник не мог не проверить карманы, – сказал патологоанатом Цыплаков. – Он знал, что там могло быть что-то такое, что могло бы помочь нам выйти на его след. Поэтому он тщательно проверил все карманы.

Ирина Матвеевна обошла довольно значительное пространство вокруг убитого. Она надеялась обнаружить следы убийцы. В этом месте когда-то был рассыпан белый песок, дожди размыли его и кое-где остались только маленькие пятна, выделявшиеся своим цветом на фоне серой поверхности участка. Она подошла к одному такому участку, низко склонилась и разглядела след правой ноги. Рисунок следа был очень бледный и не очень ясно различимый.

– Федя, – не разгибаясь громко сказал она, – иди сюда. Опер Кругликов моментально оказался рядом со следователем.

– Что у вас, Ирина Матвеевна?

– Смотри сюда, – указала следователь на рисунок следа.

Кругликов низко наклонился, присмотрелся и увидел отпечаток подошвы туфли.

– Да, это след от ноги, – сказал он. Хоть и неясный, но, можно сказать, свежий. Все линии, рисунки, извилины вырисовываются довольно отчетливо, хотя не очень ясно и наглядно. При чем более-менее четко вырисовывается передняя половина подошвы, а задняя часть, вместе с каблуком смотрится как бы в тумане. Передний отпечаток подошвы обозначен более четко.

– Все равно этот отпечаток для нас очень важен, – сказала Ирина Матвеевна.

– А вы ничего не заметили? – неожиданно спросил Кругликов.

– А ты что, заметил что-то еще? – обрадовалась Ирина Матвеевна.

– Заметил.

– Что ты заметил, Федя?

– Я пришел к выводу, что этот отпечаток даст нам возможность сделать одно очень важное предположение.

– Федя, какое предположение?

– На мой взгляд, очень важный вывод можно сделать.

– Федя, но какой вывод можно сделать? Не тяни, говори, не испытывай мое терпение.

– Вывод такой, – не торопился молодой опер. – Смотрите, этот след направлен прямо от убитого. Если провести от него прямую линию, то она упрется прямо в тело. Стало быть, человек, которому принадлежит этот след, шел прямо от убитого парня. Вывод такой: этот след есть след убийцы.

Ирина Матвеевна наклонилась еще ниже, всмотрелась в след, затем повернула голову в сторону убитого.

– Да, ты прав, Федя. Можно с большой долей уверенности предположить, что это есть след убийцы. Но, к сожалению, это всего лишь предположение. Федя, сделай фотографию этого следа.

– Обязательно, Ирина Матвеевна, – таким тоном сказал Федя, как будто сделать фотографию отпечатка подошвы было делом всей его жизни.

Ирина Матвеевна выпрямилась, посмотрела вдаль, на неровную бугристую дорогу, которая доходила до угла парка, а там поворачивала вправо. Оттуда, из-за поворота, вышел мужчина и направился в сторону убитого. Она подошла ближе к ограде и стала его ждать. Когда мужчина был уже совсем близко, она неторопливо пошла ему навстречу, чтобы поговорить с ним.

– Скажите, пожалуйста, – вежливо спросила Ирина Матвеевна, – вы никого здесь не встречали?

– Когда? – вежливо спросил незнакомец.

– Вчера, сегодня или, может быть, позавчера?

– Вы, наверное, из полиции? Расследуете убийство? – с уважением спросил мужчина.

– Вы правильно сказали.

– Я вчера видел здесь мужчину.

– В какое время?

– Во второй половине дня, ближе к вечеру. Он прошел мимо. Я пошел дальше и увидел убитого человека. Он, я смотрю, и сейчас здесь лежит, – указал он на труп, видневшийся из-за примятой травы. – И я подумал, что это он убил молодого человека.

– А почему вы так подумали? – спросила Ирина Матвеевна.

– Потому что он шел прямо от трупа. Они были на одной линии. Потом он свернул направо и, видимо, держал путь вдоль ограды парка.

– Скажите, какого примерно возраста этот мужчина?

– Он молодой. Лет двадцать пять-двадцать шесть. Не более.

– Вы не обратили внимания на черты его лица? И вообще, какой он из себя.

– Он среднего роста, – охотно отвечал мужчина на все вопросы, – плотный, крепкий.

Мне даже показалось, что он занимается спортом. Волосы темно-русые, коротко острижены. Чубчик направо зачесан.

– Полный? Худой?

– Можно сказать, не полный и не худой – средней упитанности, – ухмыльнулся мужчина. – Так можно сказать.

– На лице нет ничего запоминающегося? Родинка, шрам или еще что-то?

– Ничего этого нет. Только губы у него чересчур толстые, прямо как оладьи, – опять улыбнулся мужчина. – Как будто накачанные. У женщин бывают такие губы.

– Это уже что-то, – сказала Ирина Матвеевна. – Это нам пригодится.

– И вот еще на что я обратил внимание.

– На что? – радовалась Ирина Матвеевна каждому слову незнакомца.

– Вид у него совершенно скрытый, замкнутый, какой-то безрадостный, невеселый, прямо, как мне показалось, как не живой. Шел он довольно быстро. Так ходят люди, когда куда-то торопятся. Он тоже, видимо, куда-то торопился. Или опасался, что его догонят. Знаете, я не следователь, но мне показалось, что это он совершил убийство.

– Спасибо вам большое, – поблагодарила Ирина Матвеевна мужчину.

– Не за что. Желаю вам удачи в раскрытии этого преступления.

Ирина Матвеевна подошла к оперу, который фотографировал предположительный след убийцы.

– Федя, ты еще долго будешь фотографировать?

– Я закончил фотографировать.

– Тогда пройдешь вот по этому пути, – указала она в ту сторону, откуда шел незнакомый мужчина, – и присмотришься – может, еще обнаружишь следы, похожие на этот след, который мы обнаружили. Пройди подальше вдоль ограды.

– Хорошо, будет сделано, – отрапортовал молодой опер. Кругликов выполнил поручение Суворовой. На это ему потребовалось не более полчаса.

– Федя, я тебя ожидаю, – горела нетерпением Ирина Матвеевна, – нашел что-нибудь?

– Нашел! – бодрым голосом сказал Кругликов. – Следов десять обнаружил, схожих с тем, который здесь нашли.

– Сфотографировал?

– Разумеется.

– Четкие отпечатки?

– Есть неплохие, есть тусклые, уже подсохшие.

– Чем больше следов, тем лучше разберемся.

– Это верно.

Патологоанатом окончательно закончил свою работу и подошел к Ирине Матвеевне.

– Можно вызывать машину, – сказал он, – все, что можно было сделать здесь, мы сделали.

– Хорошо, – согласилась следователь, – вызывайте транспорт и людей. У меня к вам просьба, Дмитрий Савельевич.

– Какая у вас просьба?

– В морге получше изучите тело убитого, поподробнее, потщательнее все осмотрите.

– Обязательно, не волнуйтесь, – успокоил Цыплаков следователя.

– Не исключено, что в каком-то месте обнаружится родинка, наколка, родимое пятно или что-либо другое, – это нам может пригодиться.

– Я понял.

Цыплаков вызвал машину для транспортировки трупа в морг. Машина не задержалась. Двое дюжих мужчин на носилках отнесли труп в машину.

Ирина Матвеевна и Федор приехали в Управление и сразу поднялись в кабинет своего непосредственного начальника.

Полковник сидел за своим столом и на этот раз он не рассматривал никаких документов. – Если бы вы знали, как я вас ждал, – сказал он, выпрямляясь в кресле. – Присаживайтесь, – а где Цыплаков?

Цыплаков поехал в морг, – сказал опер.

Евгений Николаевич имел немалый опыт в борьбе с преступностью. Эту деятельность он начал после окончания института. Высшее руководство обнаружило у него хорошие аналитические способности, что во многом предопределило всю его дальнейшую розыскную деятельность. У него был острый цепкий взгляд, проникающий в душевные глубины человека, и это поставило его в ряды наиболее способных и даже выдающихся аналитиков, умеющих вникать в тонкости следовательской работы. Евгений Николаевич считал, что в работе по борьбе с преступностью немаловажное значение имеют терпение, железная выдержка и аналитические навыки, умение правильно поставить задачу и цель. Он говорил своим коллегам о необходимости расширения круга информаторов, через которых часто удается выйти на след преступника, заблокировать его так, что ему некуда деваться. Преступник ведь знаком со многими людьми, общался с ними, здоровался с ними. Многие знали его интересы, предпочтения, его душевный мир, характер, миропонимание, мировоззрение, общий культурный облик, знали его родителей, друзей, товарищей, если таковые у него были.

Конечно, не так просто отыскать информаторов, которые сознательно, от души, согласятся сотрудничать со следственными органами. Но жизненная практика показывает, что такие люди есть, и на них надо умело опираться. Здесь, конечно, возникает вопрос о том, где проживает преступник или проживал раньше.

Информаторы – это незаменимые помощники следственных органов и работать с ними необходимо умно и терпеливо. Они могут помочь сократить время в раскрываемости преступлений и увеличить эту раскрываемость в количественном отношении.

– Ну, что там нарыли? – спросил полковник, обведя ожидающим взглядом присутствующих.

– Очень мало нарыли, – без колебаний ответила Ирина Матвеевна. – А если говорить откровенно, ничего не нарыли.

– Но все-таки кое-что нарыли, – возразил полковник. – Нашли половину подошвы и еще какие-то следы. А это уже неплохо. Расследование покажет, какие это следы – предположительно следы преступника или следы, не относящиеся к нему. Теперь нам надо ожидать звонка от родителей или просто знакомых убитого парня. Ведь этот молодой человек где-то, наверное, учился, работал в каком-либо учреждении, в какой-нибудь коммерческой структуре. Молодой человек жил не между небом и землей, он жил среди людей, у него есть родные, близкие, знакомые люди. Может быть, информаторы что-нибудь пронюхают. Практика показывает, что могут позвонить в отдел просто посторонние, неизвестные люди. Ответственные граждане. Нам важно узнать, кто этот молодой человек. Его адрес, место работы или учебы.

– Ирина Матвеевна, – обратил полковник свой пристальный взгляд на следователя, – как у вас обстоят дела с информаторами?

– В этом плане у нас есть неплохие наработки, – ответила следователь Суворова. – Но вопрос непростой. Информаторы всякие есть – ответственные, малоответственные и вовсе безответственные. Надеяться на информаторов – это все равно, что надеяться на чистый случай, так что это дело безнадежное.

– Не совсем безнадежное, – возразил полковник, – от случая нельзя отказываться. Федор, – неожиданно обратился к молодому оперу Кругликову, – ты присмотрелся к выражению лица убитого молодого человека?

– Присмотрелся, товарищ полковник, – четким голосом сказал Кругликов, – я внимательно изучил его ладони, пальчики.

– Ну и что? – с интересом спросил полковник.

– Выражение лица благоданное, благородное, можно сказать, добронравное. Смерть не убивает добро. Оно все равно просвечивается сквозь непроницаемую завесу небытия. Это говорит о том, что он порядочный человек, воспитанный, даже интеллигентный. Об этом говорят и его ладошки, пальчики. Он не занимался физическим трудом, не работал пилами, топорами, ломанами, не таскал мешки с цементом, картошкой и так далее. Все это свидетельствует о том, что родители у него интеллигентные люди умственного труда. Я убежден, что он студент. Родители позаботились о том, чтобы их сын получил хорошее образование. Поэтому, как мне кажется, – с настойчивой уверенностью говорил молодой опер, – нам надо обзвонить все вузы. У нас ВУЗов не так много, как в Москве и Петербурге. Можно спокойно обзвонить и довольно быстро. Не исключено, что это даст неплохие результаты, и наше расследование сдвинется с места. В прошлом году я работал в другом городе. Там однажды произошел очень неприглядный, просто дикий случай с точки зрения морали.

– Что это за случай? – заинтересовалась Ирина Матвеевна.

– Один ублюдок из одиннадцатого класса напал на пожилую пенсионерку и отнял у нее пенсию, которую она только что получила в Сбербанке. Так вот, это преступление было раскрыто очень быстро. И в этом нам неоценимую услугу оказала одна девушка, которая все видела из окна квартиры. Она позвонила в отдел и сообщила нам, что у юного преступника длинный нос, загнутый немного вверх. Это его индивидуальная и выдающаяся особенность. Выдающаяся – потому что она видна всем и легко запоминается. К чему я все это говорю, – с некоторой запальчивостью и взволнованностью рассуждал опер Кругликов. – У нас есть информация, что у предполагаемого преступника толстые губы. Ирина Матвеевна выяснила это при разговоре с прохожим мужчиной, который случайно оказался в тот момент, когда мы были на месте преступления.

– И еще он сказал мне, – сказала Ирина Матвеевна, – что парень шел с нервной торопливостью, быстро шел, будто хотел кого-то догнать или не хотел, чтобы его догнали. А главное, разумеется, – нервность предполагаемого преступника. Такое состояние всегда появляется у человека, если он почувствовал, что слишком сильно и не в меру набедакурил. В нашем случае то же самое. Конечно, это не стопроцентная истина, но все равно мы не должны от нее отказываться. Наверняка, так и есть, процентов девяносто девять, что там есть за что ухватиться.

К разговору своих коллег подключился патологоанатом Цыплаков, вернувшийся из морга, где обследовал тело убитого.

– К сожалению девяносто процентов – это не сто, – сказал он с большой долей скептицизма. – Не хватает одного процента, а это немало в наших делах.

– Дмитрий Савельевич, – шуточно сказала Ирина Матвеевна, – хуже было бы, если бы не хватало до ста процентов всех девяносто девяти.

В кабинете наступила тишина, как будто говорить больше было не о чем. И в этот момент полковник Миловидов поднес к губам слегка согнутую ладонь и слегка кашлянул в нее.

– Нам нельзя отказываться ни от толстых губ, ни от девяноста девяти процентов, о которых говорила Ирина Матвеевна, – с легкой иронией улыбнулся начальник отдела. – К сожалению, у нас нет веских самостоятельных улик. И знаете, почему их нет? – снова ухмыльнулся полковник. – Потому что мы о них ничего не знаем. Реально, объективно они существуют. Дело в том, что любой преступник, крупный или незначительный, изо всех сил старается обрубить за собой все концы, все мельчайшие детали своих подлых замыслов и реальных дей-

ствий, в которых все его планы материализуются, превращаясь в реальную действительность. Но, как показывает розыскная деятельность прошлых эпох, а также наше время, они не могут завуалировать, скрыть совсем начисто, засыпать чем-то весь шлейф своих преступных следов. Как ни крути, ни верти, а все же они волнуются, нервничают, сомневаются и сомневаются не на шутку в стопроцентном успехе своей антиморальной, антиобщественной деятельности, противоправной деятельности. А все это приводит к тому, что они не могут спрятать все улики, не могут усмотреть все мелочи, уследить за ними так, чтобы они были абсолютно незаметны. Они не догадываются, что эти мелочи в большом количестве возникают буквально на каждом шагу и поэтому их невозможно просчитать, вычислить. Ни одна самая умная и совершенная машина, автоматика, электроника не может их просчитать и на тарелочке с голубой каёмочкой преподнести их преступнику – на вот тебе, руководствуйся нашей помощью и тогда у тебя все будет о'кей. Так не бывает, – убежденно говорил Евгений Николаевич, – это вполне естественно, вполне объективно. Такова она диалектика и философия жизни. Не исключена возможность, что и толстые губы, и нервная спешная походка станут реальными уликами и помогут нам в нашем деле. А нам с вами осталось только одно – работать и работать.

Глава 2

После обеда к Миловидову должен был прийти высокопоставленный чиновник из Управления по борьбе с организованной преступностью. Следователь Суворова пригласила Кругликова и Цыплакова для продолжения разговора по раскрытию преступления. Надо конкретно определить план действий и поставить задачи на ближайший период работы. Ей хотелось бы поговорить обо всем этом при непосредственном участии и, конечно, под руководством самого начальника. Но поскольку он будет занят другими делами, то придется продолжить разговор без него, а после сообщить о намеченных планах. К полковнику каждый день приходили какие-то важные и высокие чиновники, поэтому совершенно бесполезно надеяться на его участие в обсуждении планов сотрудников отдела. Начальник рано или поздно обяжет их отчитаться по всем направлениям работы.

Ирина Матвеевна сидела за своим столом, опер и патологоанатом уселись на стульях, стоявших по разные стороны стола следователя. Они сидели друг напротив друга и по разные стороны от Ирины Матвеевны. Она хотела продолжить начатую в кабинете Евгения Николаевича беседу, но в эту как раз минуту дверь кабинета распахнулась и взору собравшихся сотрудников предстал довольно рослый и крупногабаритный мужчина средних лет в серых хорошо отглаженных брюках, в светло-коричневой сорочке на выпуск, темно-русый блондин с зачесанными к макушке густыми волосами. Вид у него был невеселый, скорее сумрачный, и по его печальному взгляду безрадостному и от всего отрешенному, можно было судить о том, что в жизни у него появилась большая, может быть, семейная неприятность или горе. Ирина Матвеевна, опер Кругликов и патологоанатом сразу догадались, в чем дело и зачем пришел мужчина.

– Можно войти? – убитым голосом спросил мужчина.

– Войдите, – сказала Ирина Матвеевна.

Мужчина в медленном темпе, с какой-то странной осторожностью взглянул на дверь и закрыл ее за собой.

– Здравствуйте, – угрюмо сказал он.

– Здравствуйте, – тоже еле слышно, вразнобой ответили сотрудники отдела.

– Что вы хотели? – предельно ласковым тоном спросила Ирина Матвеевна, догадываясь, зачем он пришел.

Мужчина стоял прямо, опустив руки.

– Вчера вечером у нас с женой не стало единственного сына, – голосом, придавленным страшным, непоправимым горем, сказал мужчина.

– Все ясно, – сказала Ирина Матвеевна – Мы ожидали кого либо из родственников. Федя, – посмотрела она на опера Кругликова, – принеси из угла вон тот стул.

Молодой опер в спешном порядке поставил стул, стоящий в дальнем углу кабинета прямо перед следователем, на небольшом отдалении от нее.

– Спасибо, – еле слышно сказал отец убитого парня, садясь на стул. – Вы следователь Суворова? – посмотрел он на Ирину Матвеевну.

– Да, я следователь Суворова.

– Мы с супругой просим Вас найти этого негодяя, отморозка и наказать его по всей строгости. А если наказание будет смешное, как это у вас бывает, я сам возьмусь за дело, – волчьей злостью сверкнули его глаза, смотревшие на неопределенную точку на стене.

Ирина Матвеевна все поняла и не возразила ни единым словом. Такие же чувства испытывали Кругликов и патологоанатом Цыплаков.

– Когда вы узнали об этом? – спросила Ирина Матвеевна.

– Сегодня утром.

– А случилось это вчера во второй половине дня.

- Мы просим вас с супругой найти этого подлеца, негодяя как можно быстрее.
- Мы уже разыскиваем его и начали не сегодня, а уже вчера, как говорится, по горячим следам.
- Спасибо, – склонив голову, шепотом сказал отец.
- У нас есть просьба к Вам, – с тонкой деликатностью сказала Ирина Матвеевна
- Пожалуйста.
- Назовите себя. Это нам нужно. Фамилия, имя, отчество.
- Алексеев Петр Денисович, отец Саши Алексеева, которого вчера убили, – плачущим голосом сказал отец и указательным пальцем провел по заблестевшим от слезной влаги глазам.
- Стало быть, сын ваш Алексеев Александр Петрович, – сказала Ирина Матвеевна и все записала в свою тетрадь.
- Да, Александр Петрович, – слабо кивнул отец. – Мы с женой просим вас во что бы то ни стало найти этого негодяя, у которого поднялась рука на нашего сына.
- Мы найдем его, – сказала Ирина Матвеевна, – обязательно найдем. У нас, сотрудников отдела по борьбе с организованной преступностью, – указала она слегка протянутой рукой с раскрытой ладонью на Кругликова и Цыплакова, – есть к Вам один небольшой вопрос.
- Какой?
- Не могли бы вы оказать нам посильную помощь в розыске этого преступника?
- А в чем должна заключаться наша помощь?
- Сначала скажите, где учился или работал ваш сын.
- Он был студентом технического университета. Учился на четвертом курсе. На днях у них курсовые экзамены начинаются, и через месяц он был бы на пятом курсе, – тихо сказал отец и, вынув из кармана брюк носовой платок, вытер им глаза.
- И еще к вам вопрос. Были у Саши друзья или знакомые в техническом университете, где он учился, в подъезде, доме, в котором вы жили?
- В подъезде и доме у него не было никаких друзей, были просто знакомые жильцы, с которыми он почти не знался. Иногда поговорит с кем-нибудь о чем-либо несущественном, и на этом все. В университете у него был друг, с которым он познакомился на первом курсе.
- Он к вашему сыну приходил домой?
- Очень редко. Крайне редко.
- Как зовут друга вашего сына? Знаете?
- Нет, не знаю. Жена знает, она с ним как-то разговаривала.
- На каком факультете учился сын?
- У него отделение каких-то турбин, каких не знаю, не интересовался.
- Хорошо, – склонившись над тетрадью сказала Ирина Матвеевна. – Можете сказать, кем вы работаете?
- Я учитель английского языка, работаю в общеобразовательной средней школе.
- Петр Денисович, у нас к вам и вашей супруге могут возникнуть другие вопросы. Вы не против, если мы вам позвоним?
- Конечно, не против. Звоните столько, сколько вам нужно. Днем и ночью звоните, в любое время суток.
- Тогда назовите номер вашего домашнего телефона.
- Петр Денисович назвал номер телефона. Ирина Матвеевна записала его в свою тетрадь.
- Если ваша супруга знает имя и фамилию друга Вашего сына, то скажите ей, чтобы она назвала нам, – сказала Ирина Матвеевна и, написав на листок номер телефона, отдала его отцу. – Скажите супруге пусть позвонит, или сами позвоните. Нам обязательно надо узнать имя и фамилию друга вашего сына.
- Хорошо, я скажу обязательно, она вам позвонит.
- И еще вопрос. Как зовут вашу супругу?

– Екатерина Максимовна.

– Спасибо Петр Денисович. Мы все сделаем, чтобы найти как можно быстрее преступника.

– Это к вам моя просьба и просьба жены, мы хотим знать этого негодяя, хотим увидеть его и будем настаивать, чтобы наказание было максимально суровым. У вас опытные сыщики?

– Очень опытные, – сказала Ирина Матвеевна, – так что тут все в порядке

– Мы можем Вам звонить? Нам нужно знать, как идет расследование, когда оно закончится.

– Звоните нам, если у вас появится в этом необходимость. Мы вам все расскажем, – доброжелательно сказала Ирина Матвеевна, – Вы далеко живете?

– Далековато.

– Дмитрий Савельевич, отвезите отца Саши домой, – обратилась следователь к патологоанатому.

– С удовольствием, – сказал патологоанатом Цыплаков и поднялся со стула, демонстрируя готовность выполнить приказ следователя. Через несколько минут Цыплаков и отец убитого студента вышли из кабинета.

Ирина Матвеевна вполне заслуженно имела большой авторитет среди рядовых сотрудников и руководства Управления по борьбе с преступностью. Этот авторитет она заслужила по праву. Она никогда не сидела без дела в своем кабинете, не переливала из пустого в порожнее со своими сотрудниками. Сидя за своим рабочим столом, она, как следователь, размышляла о работе отдела, о том, как сделать ее более эффективной, более действенной и результативной. И, конечно, старалась подняться профессионально, потому что по ее мнению уровень каждого работника отдела определяет лицо не только всей организации по борьбе с преступностью, но и лицо каждого отдельного работника. Ее очень часто видели читающей какие-то книги, брошюры по своей специальности, ищущей в Интернете высказывания непререкаемых авторитетов по вопросам, касающимся ее основной работы. Ее упорство в достижении желаемых целей, несгибаемое волевое влечение, стремление к этому, уверенность, убежденность в почетной миссии розыскных органов и организаций, ее фантастическая преданность своему делу, связь с профессией, которую она избрала на самом взлете своего жизненного пути, наконец, блестящий ум, ярко отражающийся в ее прекрасных, сине-голубых глазах, – все это постоянно концентрировалось в умах и душах многочисленных работников, отдающих свои силы, способности, время нелегкой борьбе с преступностью и стало своеобразным мифом, легендой, существующей уже много лет. Служащие всех уровней и рангов здоровались с ней с почтением и почитанием ее незаурядного таланта, здоровались с ней, всегда склоняя головы и с благоговением глядя в сияющие солнечным светом глаза.

– Ирина Матвеевна, – спросил Федор Кругликов, – как Вы думаете, есть смысл поговорить сегодня с информаторами?

– У тебя информаторы кто?

– Два студента из мединститута, учатся на стоматологическом, на третьем курсе. Хорошие, ответственные девчонки. У меня информаторы есть почти во всех институтах, даже, можно сказать не почти, а во всех.

– Федя, привлекай информаторов из институтов и одновременно подыскивай себе жену, – лучисто улыбалась следователь, глядя на опера, – пора жениться. Вот что я хочу тебе посоветовать. А на твой вопрос: «Есть ли смысл побеседовать с информаторами?» – могу сказать, что с ними говорить всегда есть смысл, но все заключается в том, знают ли они что-то по нашему вопросу.

– Я тоже так думаю, – сказал Федя Кругликов. – А жениться мне, Ирина Матвеевна, пока рановато, – и заулыбался, глядя на следователя.

– Ничуть не рано, Федя. Еще надо найти подходящую девушку. На это немало времени уйдет. Или у тебя уже есть кандидатура?

– Да я и сам толком не знаю, – уклонился Федор от прямого ответа. – Ну, хорошо, я тогда поеду в мединститут.

– Если хочешь – езжай. А я сейчас позвоню матери убитого студента и спрошу у нее, как зовут друга Саши, их сына.

Кругликов ушел. Ирина Матвеевна пододвинула к себе телефонный аппарат, набрала номер родителей Саши.

– Да, – послышался глухой, словно из мрака какой-то пещеры, женский голос.

– Это Екатерина Максимовна? – как можно мягче, нежнее старалась говорить Ирина Матвеевна.

– Да, это я. А кто это звонит?

– Вам звонит следователь отдела по борьбе с преступностью Суворова Ирина Матвеевна.

– С преступностью? – спросила Екатерина Максимовна.

– Да, с преступностью.

– Вы уже нашли убийцу нашего сына?

– Пока не нашли, но ищем. Екатерина Максимовна, у нас был сейчас ваш муж. Он не знает, как зовут друга вашего сына, с которым Саша учился в одной группе. Но он сказал нам, что имя друга вашего сына знаете вы. Вы не можете нам сказать его имя прямо сейчас?

– Артур его зовут. А фамилия Семькин. Вы нам тогда сообщите, когда поймаете этого негодяя.

– Обязательно сообщим. Спасибо вам большое. Вы помогли нам в наших розысках.

– Ищите поскорее.

Ирина Матвеевна бросила трубку на аппарат и, торопясь, выбежала на улицу поймать какую-нибудь свою служебную машину. Под руку попался знакомый майор.

– Слушайте, майор, – подошла Ирина Матвеевна к офицеру.

– Я слушаю вас, Ирина Матвеевна! – улыбнулся и даже отдал честь майор.

– Где бы взять машину? Мне нужно срочно доехать до технического университета.

Майор, словно заядлый циркач, крутнулся на одном каблуке чуть ли не на все 360 градусов.

– Сержант! – что есть силы крикнул майор.

Молодой сержант рослый, худощавый и довольно шустрый быстро подошел к офицеру, прислонил руку с распрямленной ладонью к виску.

– Сержант Васильков!

– Сержант Васильков, отвези майора Суворову в технический университет. И привези, куда скажет.

– Слушаюсь, отвезти майора Суворову в технический университет, – отрапортовал сержант.

– И обратно.

– Слушаюсь!

В университете Ирина Матвеевна обошлась без помощи преподавателей и декана факультета. Как найти студента 4-го курса Артура Семькина ей рассказали студенты. Артур был на семинарском занятии. Шла третья пара. Ей надо было подождать до конца занятий минут пятнадцать или двадцать, что она сочла настоящей чепухой. Для беседы со студентом, который был другом убитого, она могла бы ждать сколько угодно времени, пока тот не выйдет из аудитории. Она присела на скамейку, стоявшую почти напротив дверей аудитории, и стала ждать окончания занятия. Как только прозвенел звонок, Ирина Матвеевна подошла к двери. Через минуту стали выходить студенты по одному, по двое. Пока выходили почему-то только девушки. И следователь обратилась к ним.

– Девушки, – подошла она к двум студенткам, вышедшим из аудитории в коридор, – Артур Семейкин был на занятиях?

– Артур Семейкин? – спросила одна бойкая черноглазая студентка.

– Да. Артур Семейкин.

– Он сейчас в аудитории. Вам позвать его?

– Позовите, – сказала Ирина Матвеевна.

Бойкая черноглазая девушка вошла в аудиторию и остановилась у двери.

– Артур! Семейкин! Тебя в коридоре ожидает какая-то женщина.

– А кто она, эта женщина?

– Откуда я знаю? – громко сказала девушка.

– А что ей надо?

– Спросишь у нее. Она тебе скажет.

Артур вышел в коридор и увидел Ирину Матвеевну. Он сразу догадался, что это она ожидает его. Он подошел к ней.

– Вы меня ждете? – деликатно спросил он.

– Ты Артур Семейкин?

– Да.

– Тогда я тебя жду. Я следователь по борьбе с преступностью, Суворова Ирина Матвеевна.

– Мне все ясно, зачем вы меня ожидаете.

– А что тебе ясно? – улыбнулась следователь одними глазами.

– Вчера убили моего друга, Сашу Алексеева, вы проводите расследование, и у его семьи, конечно, узнали, где он учился. Вам сказали, что мы с ним дружили. Ужасно как жаль парня. Если бы мы с ребятами сейчас знали, кто его убил, мы бы его наверняка угрохали, и никто не узнал бы, и ни одно следствие не докопалось бы. Правда, – искренне улыбнулся Артур, – вам было бы больше работы. Но вы ничего ровным счетом не узнали бы, – и снова улыбнулся.

– Это еще не известно, Артур, – шутливо отнеслась Ирина Матвеевна к высказыванию студента. – А если серьезно, Артур, то мне надо с тобой поговорить.

– Я понимаю.

– Где нам с тобой можно посидеть немного?

– Пойдемте в холл, там места полно.

В просторном холле на втором этаже они сели на скамейку, стоявшую в самом удаленном от входа углу, так что им никто не мешал говорить.

– Артур, – сказал Ирина Матвеевна, – у меня к тебе есть такой вопрос.

– Какой? – приготовился студент к серьезному разговору.

– Твой друг Саша встречался с какой-нибудь девушкой?

– Он встречался с одной девушкой из нашего университета. Это было месяца два или три назад. Потом между ними дружба прервалась. Сейчас вот в этот период времени он ни с кем не дружил. Это точно.

– А за этой девушкой никой парень не ухаживал? Ведь этот несчастный, трагический случай мог произойти на почве ревности. Разные есть люди. С неуравновешенной психикой, мстительные, с разными тараканами в голове... На этой почве, на почве ревности, часто совершаются страшные злодеяния.

– Нет, – без лишних раздумий сказал Артур, – этого не могло быть. У нее не было никакого парня из нашего университета. Мы знали бы об этом. Мы тут все видим, все слышим. Возможно, у нее есть молодой человек где-то на стороне, в другом учебном заведении, но я этого не знаю.

– А вот такой у меня вопрос, – задумчиво посмотрела Ирина Матвеевна на студента, – в то время, когда Саша дружил с девушкой из вашего университета, не могла между ним и кем-

то еще произойти какая-либо неприятность? Возможно, парень был откуда-то со стороны. Но парень мог бы быть из вашего университета. И, возможно, уже тогда между ними произошел какой-то конфликт. И тут парень решил припомнить Саше все. Как ты думаешь, могло такое произойти?

– Если бы парень был из нашего университета, то мы все знали бы, особенно девчонки. Они все знают. От них ничто не скроется. Конечно, парень со стороны мог ей подвернуться и в то время. И конфликт мог произойти с печальными последствиями для Саши.

– Артур, большая просьба к тебе, – чуть ли ни Христом Богом просила Ирина Матвеевна, – поговори, пожалуйста, с девочками. Может, они что-нибудь знают. Тебе это, я думаю, не составит никакого труда.

– Хорошо, я поговорю. Для меня это нетрудно, – охотно согласился Артур.

Ирина Матвеевна вынула из своей сумочки визитку.

– Вот визитка, Артур, позвони мне. Хорошо, договорились? – с надеждой посмотрела она на студента. – Для нас важна любая информация, которая может нас рано или поздно навести на след преступника.

– Вы знаете, Ирина Матвеевна, – загадочным тоном сказал Артур, неподвижно глядя куда-то в одну точку, – у Саши от меня не было никаких тайн. Он мне однажды сказал, что ему понравилась одна девушка из мединститута. Он приглашал ее в кино раза два, но она отказала ему. Сказала, что у нее уже есть молодой человек, с которым у них складываются серьезные отношения. Он, конечно, был очень расстроен. И еще ходил к ней в мединститут, видимо, надеясь, что она ответит ему какой-то взаимностью. Но все было напрасно.

– Давно это было?

– Совсем недавно. Дней десять тому назад.

– Он знал имя и фамилию этой девушки?

– Не знаю. Я у него об этом не спрашивал.

– Как жаль, – расстроилась Ирина Матвеевна, – с какого она факультета он знал?

– И об этом я не спрашивал, – безнадежно раскинул руки Артур.

– Жаль, очень жаль, – сказала Ирина Матвеевна, – но, что поделаешь? Ну что ж, Артур, я жду от тебя информации. Помогите нам найти преступника, который поднял руку на твоего друга.

– Да, Саша мне был другом, – со скорбью сказал Артур, – прекрасный человек. Умный, даже талантливый. Кафедра рекомендовала его для поступления в аспирантуру. Он был бы прекрасным конструктором, изобретателем. У него большой конструкторский талант. Хорошо, Ирина Матвеевна, я буду стараться оказать вам посильное содействие. Мне очень хочется, чтобы вы поскорее нашли преступника. Если с ребятами сможем его вычислить, то мы все равно угробим его. Такие люди не должны жить на белом свете.

– Хорошо, Артур, договорились.

– Желаю вам успеха в розыске этого негодяя.

– Спасибо.

Глава 3

Из опыта своей работы полковник Миловидов усвоил одно такое правило, которое говорило о том, что в следственно-розыскной работе необходимо терпение, но не какое-то житейское домашнее терпение. В этой работе необходимо адское, железное терпение, способное удерживать работника розыскного дела от всякой нервозности, лихорадочной спешки, болезненной самоуверенности, способной завести дело в тупик или, напротив, розыск, дознание повести по ложному следу, отчего довольно частенько совершенно невинные люди становятся виновными, к большому удовольствию преступников, гуляющих на свободе. А невинный человек за него отдувается. Ведь недаром Шерлок Холмс говорил, что терпение и выдержка – одна из главнейших особенностей хорошего сыщика. Евгений Николаевич признавал активное, деятельное терпение, а не такое, которое требуется при уколах в ягодицу, когда медсестра призывает иного пациента немножко потерпеть. Полковник Миловидов постоянно призывал своих подопечных в ходе расследования, розыска выискивать, открывать объективно истинную картину. Необходима полная проверенная, объективная истина, а не в спешке, в суете, в безумном азарте написанные малограмотные, пустые, скороспелые умозаключения. И такая истина, часто подчеркивал полковник Миловидов, необходима в уголовном розыске, как нигде более, ни в какой сфере познания окружающего мира. Ошибка в этом деле всегда приводит ко всякого рода многочисленным неприятностям, недоразумениям. Настоящий ответственный сыщик обязан во что бы то ни стало вовремя установить по правильному пути он идет в своем расследовании или этот путь ложный, никуда не годится и, возможно, преступный.

Дня через два в кабинете начальника собралась вся группа, проводившая расследование по факту убийства молодого человека, теперь уже известно – студента: Суворова Ирина Матвеевна, опер Федя Кругликов и патологоанатом Дмитрий Савельевич Цыплаков.

Евгений Николаевич обвел приветливым, теплым взглядом всех собравшихся в кабинете и на какую-то долю мгновения совершенно конспиративно задержал свой взгляд на красивых локонах Ирины Матвеевны.

– Ну что ж, товарищи, приятным баритоном сказал полковник, я думаю, что нам пора поговорить о результатах проделанной работы. Время, обстоятельства заставляют нас потопрапливаться. Но ни в коем случае не суетиться, не терять самообладания и не делать скоропалительных выводов, которые могут нас запутать и не вывести на правильный путь поиска преступника. Мне кажется, что у нас что-то такое есть, за что мы можем зацепиться? Или нет? Какие будут мнения?

– Можно сказать? – приподняла руку следователь Суворова.

– Пожалуйста, Ирина Матвеевна, полковник снова взглянул на локоны следователя, – мы слушаем вас.

– Я считаю, что у нас появилась хорошая зацепка, за которую надо держаться. А там видно будет. Лично мне эта зацепка прибавляет оптимизма. Я сейчас скажу об этом. Я разговаривала со студентом технического университета Артуром, другом Саши, который погиб от рук какого-то отморозка, – с траурной интонацией сказала Ирина Матвеевна, – так вот, Артур сообщил, что у Саши была девушка, которая также училась в техническом университете. Они встречались некоторое время. Но скоро их дружба прекратилась. Через некоторое время Саше понравилась девушка из мединститута. Это было совсем недавно.

– И что из этого следует, Ирина Матвеевна? – скептическим тоном спросил Цыплаков.

– Слушайте дальше, Дмитрий Савельевич, не бегите впереди паровоза. Мы уже слышали раньше, еще до моего разговора с Артуром, что какой-то парень предлагал девушке из мединститута знакомство. Этот неизвестный молодой человек приглашал ее в кино. Теперь мы знаем, что девушку из мединститута приглашал студент из технического университета. А также

мы знаем, что приглашал девушку из мединститута не безымянный молодой человек, а реальный парень. Его зовут Саша, – сказала следователь и едва заметная трагическая нотка прозвучала в ее голосе. – Его, правда уже нет. Ой! – Вдруг она внезапно вздрогнула. И ее лицо заметно исказилось ненавистно презрительным выражением, проскользнувшим на губах, глазах и вообще на всей мимике. – Когда же мы разыщем этого негодяя? Как хочется схватить его и отправить за решетку.

– Не волнуйтесь, Ирина Матвеевна, поймаем мы этого подлеца, – сказал Евгений Николаевич.

– Дай Бог, чтобы побыстрее. Я продолжаю. Дохожу до самого главного и, как мне кажется, интересного.

Сотрудники отдела с ожиданием чего-то сногсшибательного повернулись к следователю, посмотрели на нее во все глаза не дыша и боясь шевельнуться.

– Это интересно, – сказал опер Кругликов и замолк.

– Я продолжаю, – сказала Ирина Матвеевна, – дня через два мне Артур позвонил. И сказал, что забыл сказать еще одну деталь из разговора Саши с незнакомой для него девушкой. А она сказала ему, что у нее есть молодой человек и что отношения у них очень серьезные. И добавила, что через день они пойдут в загс, а после загса будет свадьба. И вот тут я могу сказать вот что: мы можем оказаться на белом коне или же сесть в лужу.

– Не понял, Ирина Матвеевна, – в чем-то засомневался патологоанатом Цыплаков.

– Сейчас поймете. В настоящий момент у молодых свадьба уже должна состояться. Прошло уже порядочно времени. Мы можем запросто узнать, была свадьба или не была, ходили они в загс или не ходили. Я сегодня же пойду в деканат стоматологического факультета и мне там все скажут. Думаю, что они уже знают, что студентка их факультета вышла замуж.

– Ирина Матвеевна, – осторожно спросил опер Кругликов, – а почему вы сказали, что мы можем оказаться на белом коне или в луже?

– Мы без проблем узнаем, увидим ее мужа. Если у него толстые губы, то мы можем на этом пути продолжать следствие, и нас ожидает или белый конь или лужа. После нашего заседания я иду в мединститут, в деканат стоматфака. И там мне скажут, какая студентка вышла замуж.

– А если в деканате не знают? – засомневался опер.

– Они узнают на кафедрах, спрашивают преподавателей, самих студентов, а уж они, поверьте, все знают. Да все мы были студентами в свое время и все знали. И мы будем знать фамилию, имя этой студентки. Так что будем действовать.

– Вы когда думаете пойти в мединститут? – спросил Евгений Николаевич.

– Если вы меня отпустите, – сказала Ирина Матвеевна, – то я прямо сейчас и отправлюсь. Сейчас у них занятия. Самое время навестить их.

– Тогда скорее идите, Ирина Матвеевна, – потребовал начальник, а не просто разрешил следователю заняться важным делом. – Мы тут продолжим разговор. Может быть, обозначим еще какие-то пути для нашего расследования. Если мне удастся быстро обо всем узнать, то я успею прийти на ваше совещание и обо всем доложу.

– Мы ждем вас, Ирина Матвеевна, – сказал Евгений Николаевич, – ждем с нетерпением.

Ирина Матвеевна взяла свою сумочку и вышла из кабинета.

В деканате стоматологического факультета сидела молоденькая девушка, секретарша, и мужчина лет пятидесяти, полнотелый, моложавый, с глубокими залысинами. Мужчина сидел за большим столом в углу, и следователь, взглянув на него своим опытным глазом, определила, что это декан факультета.

– Простите, – сказала она, поздоровавшись, – я могу видеть декана факультета?

– Я декан, – сказал мужчина рассеянно поглядев на следователя. – Что вы хотели?

– Я следователь Управления по борьбе с преступностью Суворова Ирина Матвеевна, – сказала она, – достала из сумочки удостоверение и показала декану.

Декан с почтением посмотрел на удостоверение, потом на следователя.

– Что у нас случилось? Какое-то преступление? – заволовался декан.

– Простите, как вас зовут?

– Петр Макарович Снежинский, – представился декан.

– Петр Макарович, у меня к вам есть вопрос.

– Пожалуйста, – с уважением сказал декан. – Задавайте сколько угодно вопросов.

– У нас есть сведения, что совсем недавно одна ваша студентка вышла замуж. Это соответствует действительности?

– Да, это действительно так, – с видимым удовольствием ответил декан. – Студентка, кажется, третьего курса. Юля, ты знаешь, с какого она курса? Я могу ошибиться.

– Она с третьего курса – Белова Нина.

Ирина Матвеевна вынула из сумочки записную книжку и зафиксировала фамилию и имя студентки.

– Ты, кажется, была на свадьбе? – спросил декан.

– Была.

– Ну, как свадьба? – улыбнулся декан.

– Хорошая. Все хорошо было.

– Муж хороший? – еще шире улыбнулся декан.

– Ой, муж, как муж – нормальный мужик, мне только губы его не понравились, – разоткровенничалась Юля.

– Губы не понравились? – удивился декан.

– Да, губы.

– Почему же они тебе не понравились?

– Слишком толстые. Но это мое мнение.

– Это все мелкие детали, – сказал декан. – Толстые, тонкие... А Ирина Матвеевна с удовольствием подумала, что это не мелкая, а очень даже важная деталь для расследования. Но об этом она ничего не сказала.

– Петр Макарович, – властно взглянула она на декана, – мне нужно поговорить с этой студенткой с глаз на глаз. Как это можно сделать?

– Без проблем! – гостеприимно размахнулся декан обеими руками. – Юля, пожалуйста, найди эту студентку и скажи, чтобы она обязательно пришла в деканат.

– Сейчас, – сказала Юля и выпорхнула из комнаты.

– Петр Макарович, вот что еще.

– Что? – декан готов был к любым услугам.

– Дело в том, что мне нужно поговорить с этой девушкой наедине. Свободная аудитория найдется?

– Вы долго с ней будете разговаривать?

– Не больше двадцати минут.

– Мы с Юлей выйдем, и вы поговорите с этой студенткой. Аудитория найдется свободная. Но дело в том, что ее надо искать, времени пройдет немало.

Минут через пятнадцать секретарша и декан вышли в коридор. Ирина Матвеевна села на место декана, а Нина Белова села напротив, на место, где сидела следователь. Ирина Матвеевна внимательно посмотрела на девушку. Интересная, прилично одетая, с игривыми глазами, с простенькой, незамысловатой прической, внешне она производила на следователя неплохое, даже благоприятное впечатление.

– Нина, я следователь Управления по борьбе с преступностью, – сказала Ирина Матвеевна, показывая девушке развернутое служебное удостоверение. – У меня к тебе есть вопросы.

– Хорошо, я отвечу, – с едва заметной тревожностью ответила студентка.

– Нина, – как можно теплее и вежливее старалась произносить каждое слово Ирина Матвеевна, – скажи, совсем недавно, еще до твоей свадьбы, к тебе подходил молодой человек с желанием познакомиться, ну и, конечно, завести дружбу?

– Подходил ко мне молодой человек совсем недавно. Он сказал, что я ему нравлюсь и что он хочет пригласить меня в кино. Он учится в техническом университете, зовут его Саша – так он представился.

– И что ты ему сказала?

– Я сказала ему, что я дружу с одним молодым человеком и что еще знакомиться с кем-либо в мои планы не входит, и он ушел.

– А второй раз он к тебе приходил?

– Подходил, кажется, дня через два. Он увидел меня и спросил, что я, может быть, передумала и приму его предложение сходить в кино. Я решила сказать ему так, чтобы он понял до конца. Я сказала, что выхожу замуж за молодого человека, с которым сейчас дружу, и что на днях у нас будет свадьба, вот что я ему сказала.

– Ты сказала своему будущему мужу о том, что Саша приглашал тебя в кино, когда первый раз он с тобой говорил?

– Сказала.

– А что он ответил?

– Он спросил: «Ты отшила его?»

– Ты что ответила?

– Я сказала, что отшила его, – улыбнулась студентка, видимо, преодолев свою первоначальную встревоженность. – А почему вы спрашиваете меня об этом? Случилось что? Ведь вы следователь. Не так просто пришли со мной побеседовать, поговорить.

Ирина Матвеевна, опустив глаза, недолго помолчала. Студентка смотрела на нее и ожидала ответа.

– Дело в том, что Саша убит, – скорбно сказала Ирина Матвеевна и устремила взгляд на студентку, чтобы понаблюдать за ее реакцией на это известие.

– Да вы что? – вздрогнула студентка и с таким испугом вытаращила глаза, будто к ней внезапно приползла очковая змея и хотела укусить ее.

– Сашу убили, – снова посмотрела Ирина Матвеевна на студентку. – Нина, если что узнаешь по этому поводу – сообщи мне. Я оставлю свою визитку.

– Обязательно сообщу, – сказала студентка и взяла визитку.

После непродолжительной беседы с девушкой Ирина Матвеевна отправилась в отдел, чтобы рассказать о том, что она узнала. В отделе был один полковник. Он со страстным желанием хотел услышать от следователя что-нибудь новое в расследовании убийства. Дело пока не сдвинулось с места ни на один шаг, даже ни на один сантиметр. Они не определили, не вышли на подозреваемого, хотя это дело не такое уж и простое и легкое, надо уже приближаться к этому, а не сидеть, сложа руки.

– А где же остальные? – не успела Ирина Матвеевна войти в кабинет и сразу же выразила свое недоумение по поводу отсутствия Кругликова и Цыплакова.

– У них там какие-то другие дела, помимо нашего расследования, они недавно ушли. Но ты не переживай, Ира, мы с тобой побеседуем и все обсудим. Что тебе удалось узнать? – нетерпеливо спросил начальник. – И удалось ли вообще добыть какие-либо сведения?

– Особо важных сведений нет, Евгений, но я все же кое-что нарыла, – улыбнулась Ирина Матвеевна, не любившая это слово, которое всегда употребляли сыщики. – Я нашла эту девушку, с которой разговаривал Саша, когда он второй раз обратился к ней, чтобы пригласить ее в кино. Она сказала ему, что выходит замуж и приглашение в кино не имеет никакого смысла.

– Она уже вышла замуж? – спросил полковник.

– Да, она недавно вышла замуж, была свадьба. Эту девушку зовут Нина Белова.

– И что дальше, Ира? Мы знаем, что есть девушка Белова Нина, и что дальше? Как ты думаешь? Что это даст нам для расследования такого тяжкого преступления?

– Евгений, это нам ничего не даст, наоборот, как я подумала, это еще больше запутает нас во мраке неизвестного.

– Неужели еще больше запутает нас? – разочарованно спросил полковник.

– Еще больше, Евгений. Да, печально, – усмехнулась следователь. – Секретарша деканата, Юля, была на свадьбе у этой девушки и сказала в беседе с деканом, что у мужа толстые губы и что за это он ей не понравился.

– Значит, еще одна примета есть, подкрепляется сообщение случайного мужчины, с которым беседовали в день осмотра тела убитого. А ты говоришь, что у нас все запутывается.

– Я подумала и пришла к выводу, что дело наше еще больше запутывается, оно не даст нам возможности определить подозреваемого.

– Почему, объясни! – не хотелось начальнику, чтобы дело окончательно запуталось.

– Смотри, что у нас получается. Ведь наверняка в техническом университете, где учился Саша, есть много студентов, которых зовут Александром. Любой Александр и есть Саша.

– Я немножко с тобой не согласен, Ира, – возразил полковник. – Конечно, любой Александр – это Саша, но не всех Александров в обыденных отношениях зовут Александрями, многие зовут Сашами – вот в чем вопрос.

– Совершенно верно, – с чувством сказала Ирина Матвеевна. – Вот в этом как раз самая главная загвоздка для нас получается. Возникает вопрос. Девушку мог пригласить в кино другой Саша, а не тот, которого убили. Вот теперь и думаю: разгадывай, кто этот Саша, что приглашал девушку в кино. Но с тем, другим, Сашей могло ничего не случиться, а этого убили. А мы думаем, точнее подозреваем, что этого Сашу убил муж этой самой Нины Беловой. Недавно он стал ее мужем, но это липовые подозрения. Его мог убить совершенно другой человек, другой мужчина, у которого тоже толстые губы, ведь предостаточно молодых и немолодых мужчин с толстыми губами. Ты меня понял, Евгений.

– Да, я понял тебя, – признался полковник.

– Теперь нам необходимо выяснить, какой Саша беседовал с девушкой Ниной Беловой, и убил ли его нынешний ее муж. Одним словом, нам надо узнать, был другой Саша или нет.

– Мы можем это сделать?

– Можем, конечно. Только много хлопот. Но сделать надо обязательно.

И в это время дверь кабинета с шумом распахнулась, и в кабинет влетел мальчик лет десяти-одиннадцати, судя по всем признакам, шустрый, смелый, отчаянный, чистенький, ухоженный. Он был в синих джинсах, в кроссовках, в белой футболке, из-под которой четко вырисовывались развитые мышцы рук и груди и вообще всего торса. Одного взгляда на этого пацана было достаточно, чтобы определить, что он воспитывался в обеспеченной семье и что находился он в хороших, умелых руках.

– Здравствуйте! – довольно серьезно сказал мальчик, глядя на Ирину Матвеевну, и даже сделал едва заметный реверанс.

– Здравствуй, Витя! – Широко улыбаясь, сказала Ирина Матвеевна – соскучился по папе, наверное.

– Виктор, – назидательно сказал Евгений Николаевич, – вот ты ворвался в кабинет прямо как ураган какой-то. А если бы у нас шло какое-нибудь совещание, и народу было много? Мне тогда краснеть за тебя надо было?

– А ты догадайся, почему я ворвался? – хрустальным фальцетом сказал Витя, подходя к столу отца.

– Скажи. Я не догадался, – признался отец.

– Я потихоньку, чтобы никто не слышал, приоткрыл дверь и подсмотрел в комнату. Много в ней людей или мало. Оказалось всего двое. Ты и Ирина Матвеевна. И я ворвался. Ирина Матвеевна меня знает, она ничего не подумает обо мне.

– Витя, ты правильно сделал, что ворвался к отцу в кабинет. Ты смелый мальчик. И таким надо быть всегда. Но я с тобой кое в чем не согласна, – с упоением смотрела следователь на синеглазого пацана.

– В чем вы со мной не согласны? – в наступательном ритме спросил Витя.

– Ты говоришь, что я о тебе ничего не подумую. Нет, я о тебе думаю, что ты очень хороший и замечательный мальчик.

– Тогда я ошибся, – искренне поблескивали быстрые глаза мальчика. – Папа, – повернулся он к отцу, – ты говорил, что сегодня в четыре часа мы с тобой поедem в парк есть мороженое. Сейчас уже пятый час.

– Виктор, подожди немного. У нас сейчас с Ириной Матвеевной очень серьезный разговор. Мы с ней находимся на работе. Знаешь, что? Я освобожусь минут через тридцать-сорок. Ты иди на улицу, погуляй там, а я закончу работу и приду к тебе. Мы не поедem в кафе. Мы пойдem. Кафе тут рядом. Наш дом тоже рядом. Все здесь рядом. Потому я не буду брать машину. Можешь домой сходить, а через полчаса придешь, договорились?

– Договорились, – кивнул пацан своей коротко подстриженной головой. – Я приду за тобой, а то ты забудешь.

– Не забуду, – заверил его отец.

– До свидания, Ирина Матвеевна, – сказал Витя, отходя от стола отца.

– До свидания, Витя, – сказала Ирина Матвеевна веселым, радужным тоном.

Витя ушел. Полковник и следователь с улыбчивой загадочностью взглянули друг на друга и несколько мгновений сидели молча.

– Понимаешь, Ира, что у нас получается, – продолжил полковник начатую до прихода мальчика беседу. Нам совершенно безразлично, какой Саша беседовал с девушкой. С ней мог беседовать не Саша, а какой-нибудь, например, Вася, Игорь, Вова и так далее. Допустим, что с ней разговаривал другой Саша из технического университета. Он наверняка был бы убит. У нас был бы не этот Саша, убийцу, которого мы сейчас разыскиваем, а другой Саша из технического университета. С этой Ниной Беловой мог бы поговорить, например, Вася из другого вуза или из какого-либо учреждения, магазина и прочее. Если бы Васю не убили, то у нас сейчас не было бы никакого следствия по делу убийства. А если бы убили, то у нас вместо Саши был бы Вася. А если бы он не был убит? То не было бы дела об убийстве.

– Как было бы хорошо, – восторженным напором сказала Ирина Матвеевна. – Мы сидели бы и философствовали бы о чем угодно, прекрасно!

– Что-нибудь да объявилось бы, – безнадежно махнул Евгений Николаевич рукой. Наш куст не бывает пуст. Наши следственные дела никогда не кончатся.

– Ты хочешь сказать, что в моей логике нет даже малейшего рационального зерна? – спросила Ирина Матвеевна. – Правильно я тебя поняла, Евгений?

– Почему нет? Логика есть. Но на нынешнем этапе следствия она ничего не дает. У нас есть лишь предполагаемый убийца, но никак не подозреваемый. В юридическом, в правовом отношении. Мы не имеем права даже допрашивать его. А проводить обыск в его квартире и подавно. Одним словом, дело пока стоит на точке замерзания. Но не исключена возможность, что в дальнейшем в твоей логике всплывет что-то для нас положительное и нужное. Так что пока нам нужно работать. Ира, ты согласна со мной?

– Евгений, я согласна с тобой. Ты способный и талантливый сыщик, – сказала Ирина Матвеевна. – Я не могу с тобой не согласиться. Я думаю, что нам делать дальше. Путь к наступлению у нас пока нет никаких, они пока не просматриваются.

– У нас есть предполагаемый убийца, вот на этом участке нам надо работать. Я думаю, необходимо выяснить внешность этого предполагаемого убийцы. Надо взглянуть на него и хотя бы элементарно нарисовать его психологический портрет: какой он есть визуально, внешне. Нам надо это знать. Но интуиция подсказывает мне, что это и есть настоящий реальный преступник и убийца Саши, – уверено сказал полковник. – Но узнать его внешний образ, посмотреть на него, взглянуть, можно только скрытно, в высшей степени конспиративно. Если он заметит наше желание, то может сосредоточиться и как можно сильнее запрятать возможные улики, необходимые улики. А они, эти улики, есть. Но только мы о них ничего пока не знаем. Одним словом, мы должны познакомиться с ним ювелирно, очень тонко, с максимальной утонченностью, так, чтобы он не подозревал, что он нас интересуется, что мы им интересуемся. Тогда он расслабится, забудет обо всем и не будет предпринимать никаких действий, чтобы оставаться вне досягаемости для следствия. Он будет считать, что мы его не подозреваем. А если мы будем знакомиться с его портретом на топорном уровне, по-дурацки, непрофессионально, то он сразу определит, что мы его подозреваем. А это для нас невыгодно. Вот мое мнение, Ира, – мягким голосом сказал начальник и посмотрел на часы. – Скоро придет Виктор, Ира, может быть, закончим на сегодняшний день наши профессиональные разговоры. Мне хочется отвлечься от них хотя бы ненадолго. Давай о чем-нибудь другом поговорим. Конечно, не о чем-нибудь, а о хорошем, – улыбнулся полковник.

– О чем ты хочешь поговорить, Евгений, – заинтригованно спросила Ирина Матвеевна.

Евгений Николаевич склонил голову над столом, на котором лежал лист бумаги с напечатанным текстом. Это был один из документов, спущенных в отдел из высшей инстанции. Начальник изучал его, читал несколько раз вдумчиво, внимательно, изучил почти наизусть. А сейчас смотрел на этот документ совершенно бессмысленно, не понимая толком, зачем эта бумага лежит на его столе, что она дает для следственной деятельности отдела и зачем вообще нужна ему и его подчиненным. Полковник смотрел на него, как на нечто такое, отчего нет никому никакой пользы, и поэтому совершенно лишней. А ведь каких-либо полчаса назад он изучал этот документ и даже посчитал его нужным и важным для возглавляемого им отдела по борьбе с преступностью. А сейчас он смотрел на него совершенно отрешенным взглядом. Он как будто мешал ему всю жизнь. И случилось это, видимо, по той простой причине, что мысли его блуждали совсем в иной сфере жизни, далеко от документа, полученного от вышестоящего начальства. Он думал о сыне, о жене, о самом себе и даже о смысле жизни, о чем он иногда глубоко задумывался.

– Ира, – наконец, он промолвил слово.

– Что? – задумчиво томным взглядом окинула следователь своего начальника.

– Мне хочется устроить с тобой романтический ужин, – настойчиво сказал полковник. – Я давно хотел предложить тебе такое мероприятие, но все как-то дела, дела. Ни конца, ни края им не будет. А жизнь все идет неизвестно куда. Как ты думаешь, Ира, человек имеет право быть счастливым?

– Я думаю, что каждый имеет на это полное право.

– А что ты можешь сказать о моем предложении?

– Относительно романтического ужина? – опустила глаза следователь.

– Да.

– Я подумаю, проведу следственные расследования по поводу твоего предложения.

– Только не затягивай со своими расследованиями.

– Этот ужин даст тебе хоть маленький кусочек счастья? – серьезно спросила Ирина Матвеевна и проникновенно взглянула на полковника.

– Даст, – тихо сказал Евгений Николаевич и с чувством бесстрастной мужской нежности посмотрел на следователя.

– Евгений, есть другие женщины, еще лучше меня, моложе. Для тебя что, свет клином сошелся на мне?

– Ира, как человек, как личность, как женщина, ты заслуживаешь самых высоких слов, – вдохновенно сказал полковник. – Иного мнения о тебе у меня нет и никогда не будет.

Ирина Матвеевна не обольщалась словами своего начальника относительно своей персоны. Она была не в том возрасте, чтобы потерять голову от самых красивых, от самых божественных слов в свой адрес. Но приглашение Миловидова разделить с ним романтический ужин ей понравилось. Она ловила себя на том, что она согласна принять его предложение. Следователь не помнит точно, когда и он ей тоже понравился. Но он понравился. Сильно понравился. Так понравился, что она, лежа по ночам в одиночестве в своей квартире, думала о нем многими бессонными ночами. Полковник безгранично, беспредельно нравился ей. Умный, трезво мыслящий, добропорядочный, страстный, бескомпромиссный, борец за правду и справедливость – он вызывал к себе глубокие симпатии. Его любили, уважали и всегда и везде с почтением говорили о нем. Ирина Матвеевна все это видела, замечала и не могла не оценить его по достоинству.

– Спасибо тебе, Евгений, за такие слова, – сказала Ирина Матвеевна, – я не пропущу их мимо ушей. А сейчас давай подумаем о том, как нам продолжить расследование. Прошло уже больше недели со дня убийства Саши, а мы, можно сказать, все топчемся на месте.

– Мы найдем этого преступника, – уверенно сказал полковник и положил документ, лежавший на столе, в ящик стола.

Глава 4

После выходных следственная группа собралась в кабинете Ирины Матвеевны. Ирина Матвеевна, как всегда, мило улыбаясь, посмотрела на Кругликова и Цыплакова и открыла свою тетрадь, в которой она фиксировала особые, значимые, дельные мысли этих сотрудников.

– Что будем дальше делать? – направила она свой умный взгляд на Кругликова, как на молодого, подающего надежды сыщика. Федя Кругликов все понял и почесал за ухом.

– Будем проводить расследование, Ирина Матвеевна, – как бы между прочим сказал молодой опер.

– Федя, мы слушаем тебя, – ответила Ирина Матвеевна.

– Я считаю, – продолжил Кругликов, – что мы должны определить предполагаемого преступника подозреваемым. В противном случае мы будем топтаться на месте. И неизвестно, когда сдвинемся с него.

– Но у нас нет пока никаких правовых оснований квалифицировать его как подозреваемого. Это незаконно, – возразила Ирина Матвеевна. – Как мы можем сделать его подозреваемым, если практически у нас нет ни одной самой тошенькой, вшивенькой улики.

– А мы не будем официально объявлять его подозреваемым. Мы не имеем на это никаких прав. Законных прав. Для нас он остается предполагаемым преступником. А вот неофициально, про себя, в уме, будем считать его подозреваемым.

– А что это даст нам для следствия? – спросила Ирина Матвеевна.

– Об этом надо подумать.

– Но мы даже не знаем его имени и не знаем, где он живет, мы ничего о нем не знаем, – с чувством беспокойства говорила следователь. – И что толку в том, что в уме, про себя, мы будем считать его подозреваемым?

– Я ходил в загс, узнал его имя, отчество и такие же данные о жене.

– Федя, я тебя перебую. Скажи, как его фамилия и все прочее. Я запишу, только не спеши.

Кругликов неторопливо продиктовал все это следователю и положил в карман джинсов записную книжку.

– Продолжай, Федя, – сказала Ирина Матвеевна, записав продиктованную фамилию. – Вдруг она что-то вспомнила. – А в загсе не скажут ему, что ты интересовался их персонами?

– Не скажут, если не хотят иметь крупных неприятностей.

– Ты пригрозил работникам загса?

– Да, немножко пригрозил, как нам и положено в нашей работе. Там сидит одна женщина среднего возраста. Надо полагать умная и серьезная. Поэтому она все поняла. Я сказал ей, точнее предупредил ее, чтобы она ничего не выболтала молодоженам. Я показал ей свое удостоверение сотрудника Управления по делам преступности. И сказал, что за разглашение этого очень секретного дела виновный или виновная будут наказаны по всей строгости закона. В знак согласия она так кивнула головой, что чуть не стукнулась лбом о стол.

– Правильно, Федя, – продолжай, если у тебя еще есть, что сказать. – А вот их внешности мы не знаем.

– Это пока мы не знаем, а для нынешнего этапа нашего расследования это необходимо, как воздух и вода для жизни. Но это не проблема.

– Не проблема? – в глазах Ирины Матвеевны вспыхнул радостный огонек.

– Нет, это не проблема, – без тени сомнения ответил Кругликов.

– Ну хорошо, – допытывалась следователь. – Как ты узнаешь внешность нашего предполагаемого преступника? Я, например, не знаю.

– Дмитрий Савельевич, – повернулся Кругликов к патологоанатому, – скажите Ирине Матвеевне, как мы это сделаем.

– Очень просто, – растянулись тонкие губы Цыплакова в победоносной улыбке. – Ларчик просто открывался. Дело такое, Ирина Матвеевна. У меня есть одна знакомая. Около десяти лет мы с ней знакомы. Она – владелица цветочной фирмы. Мы с ней недавно встретились на другой день после свадьбы, и разговорились. Она, между прочим, любит поговорить.

– Особенно с интересными мужчинами, – осклабился молодой опер Кругликов.

– Федя, не болтай чего не надо, – усмотрел патологоанатом в шутке опера тонкий намек на толстые обстоятельства.

– Продолжай, продолжай, Дмитрий Савельевич, – не обратила следователь внимания на шутку опера.

– Ну и вот. Разговорились мы с ней. Она пожаловалась мне, что ее бизнес довольно быстрыми темпами садится на мель. А потом с надеждой сказала, что сейчас на работу в свою фирму она приняла одного энергичного парня. Одним словом, молодого человека. И она сказала его фамилию, имя, отчество. А началось это вот с чего. Ее удивило то, что у него какие-то странные непривычные для нашего уха имя и отчество – Василий Омарович.

– Баклажанов, – продолжила Ирина Матвеевна.

– Совершенно верно, – сказал Цыплаков, – и узнать внешность предполагаемого преступника не представляет совершенно никакой трудности. Нам остается только подумать, как лучше это сделать, чтобы этот Омарович не догадался, что за ним по следу идут сыщики.

– Это для нас как дважды два, – снова пошутил опер Кругликов.

– Нет, Федя, это не дважды два, – заметила Ирина Матвеевна. – Легкомысленно подходить к этому вопросу нельзя. По всей вероятности, мы его обсудим завтра, если Евгений Николаевич не найдет мне никаких дел.

– Мы с Цыплаковым обсудим, обмозгуем этот вопрос, а потом наши соображения представим вам на рассмотрение.

– Хорошо, договорились. Пока без меня, – согласилась следователь.

– Увидеть его жену, Белову Нину, нам не составит никакого труда. Это для нас проще пареной репы, – шутил молодой опер Кругликов.

– Она пока нам не нужна. А если хотите, посмотрите на нее, и мне тогда расскажите. Внешность человека, черты его лица могут рассказать о многом.

– Мать нашего предполагаемого убийцы мы, если потребуется, тоже без труда найдем, – сказал патологоанатом Цыплаков. – Моя знакомая у него спросит.

– Твоя знакомая может держать язык за зубами? Его мать, как мне кажется, нам потребуется, – обдуманно сказала Ирина Матвеевна. – Так что нам не надо об этом забывать. Одним словом, будем работать.

Ирина Матвеевна уже довольно продолжительное время работала с опером Кругликовым и патологоанатомом Цыплаковым и пришла к однозначному выводу: очень хорошие ребята в общечеловеческом плане. Добропорядочные, бескорыстные, уважительные и простые, безо всякого чванства, высокоглядства, зазнайства, а главное – деятельные, профессионально хорошо подготовленные, эрудированные, дисциплинированные. Ей нравилось, что оба они глубоко вдумывались, вникали в то дело, которое раскручивается, демонстрируя тем самым свои неплохие аналитические способности, необходимые каждому сыщику, как воздух, как хлеб с маслом. Иногда они выдвигали прямо-таки фантастические способы, предложения для раскрытия преступлений. Но все их фантазии имели под собой реальную практическую основу, не имеющей ничего общего с легкомысленными оторванными от конкретного дела выдумками и иллюзиями. Бывали случаи, когда они предлагали такие пути, способы раскрытия следственных дел, которые на первый взгляд казались детскими игрушками. Однако со временем они показывали, свою продуктивность и полную пригодность. Некоторые их предложения в ходе расследования казались непомерно удаленными, оторванными от тех задач, которые приходилось решать в ходе розыскной деятельности. Иногда Ирина Матвеевна не понимала до конца

смысла их предложений, но потом по прошествии нескольких дней или, может быть, недель все прояснилось и становилось на свои места. Однажды года два тому назад Федя Кругликов только что поступивший на работу в отдел по раскрытию преступлений, предложил представиться родным братом преступника, чтобы выведать у родной сестры этого преступника важные о нем данные. И у него кое-что получилось. Он помог значительно продвинуть вперед следственную работу.

– Ирина Матвеевна, – чуть ли не плачевным голосом сказал патологоанатом Цыплаков, – моя знакомая может держать язык за зубами, да еще как может!

– Конечно, это хорошо. Это нам в ближайшее время, как я думаю, пригодится. Но дело еще в другом, – спокойным, рассудительным тоном сказала следователь, – дело в том, что жена предполагаемого преступника и его мать могут догадаться, что у них что-то выпытывают важное и нужное, для какой-то цели. И, разумеется, жена, а так же мать преступника расскажут ему обо всем. А этот Вася Баклажанов, наш предполагаемый преступник, несомненно, догадается, что здесь что-то не так и дело пахнет керосином. Что он будет делать в таком случае? Конечно, он постарается предпринять такие меры, такие шаги, которые помогут ему поглубже, надежнее обезопасить себя от сыщиков. Он ведь наверняка знает, что его разыскивают по всем направлениям, и у нас естественно возникнут дополнительные трудности в расследовании. А зачем нам это нужно? Тут вопрос вот в чем заключается. Что мы с вами расследуем? Мы сами об этом ничего не знаем. Пока мы ищем черного кота в черной комнате. Но мы еще не знаем, есть этот кот в этой комнате или там его нет. Вот в чем вопрос. И мы должны его решить. Для этого все способы хороши в том числе и твои фантазии, Федя. Наша задача состоит в том, чтобы узнать, есть ли черный кот в темной комнате. А если есть, то мы его обязательно найдем. А пока у нас нет ни одной нормальной ценной улики.

– Это, конечно, плохо, – констатировал патологоанатом Цыплаков, – нам надо побыстрее шевелиться, поворачиваться, разворачиваться.

– У меня есть одно предложение, – сказал опер Кругликов.

– Какое у тебя предложение, Федя? – смотрела следователь на опера такими округленными глазами, будто ожидала от него чего-то необыкновенного, запредельного.

– Не мешало бы произвести обыск в квартире, где проживал наш предполагаемый преступник.

– А сейчас где он проживает? – посмотрела следователь на патологоанатома. – Ничего не сказала твоя знакомая?

– Он живет у тестя, – доложил Цыплаков.

– Как вы оцениваете мое предложение? – спросил Кругликов.

– Понимаешь, Федя, твое предложение очень интересное. Не мешало бы сейчас произвести обыск в квартире Баклажанова, но нам не дадут на это разрешения. Преступник предполагаемый, а не настоящий, да и предположение наше очень зыбкое, непрочное, очень туманное и абстрактное. Это скорее какая-то невидимка, чем реальность.

– Ирина Матвеевна, а мы можем обойтись без всякого разрешения? Мы практически можем открыть любые замки. Это не проблема. Его мать работает кассиром в гипермаркете. Утром уходит на работу, а домой возвращается вечером. Часы и дни работы запросто можно узнать. Там можно найти кое-что ценное.

– Например? – спросила Ирина Матвеевна.

– Туфли, в которых он был в момент убийства, записную книжку студента, о которой вам сказала его мама.

– Это верно, – согласилась Ирина Матвеевна, – но этот вопрос надо согласовать с Евгением Николаевичем. Завтра мы будем у него и поговорим по этому вопросу. Дмитрий, – обратилась она к патологоанатому, – ты не спрашивал у своей знакомой о том, где учился этот Баклажанов Вася?

– Нет, я не спрашивал у нее об этом. Но сейчас спрошу. Цыплаков спешно вынул из заднего кармана брюк смартфон и позвонил хозяйке цветочной фирмы.

– Привет, Зин.

– Привет, Цыплаков. Какие-то вопросы есть?

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю, где ты работаешь, поэтому знаю, зачем ты мне задаешь всякие вопросы.

– У меня есть еще вопрос.

– Спрашивай. Если знаю – отвечу.

– Где учился твой новый менеджер Баклажанов?

– Три года назад он окончил факультет физического воспитания.

– В пединституте?

– Сейчас это педагогический университет.

– Зин, только знаешь?

– Что знаешь?

– Чтобы ни гугу.

– Конечно, поняла, я же не дура. А ты мне скажешь, зачем и почему ты так заинтересовался моим менеджером?

– Зина, скажу, но не сейчас, потом скажу.

– А когда это потом?

– Когда можно будет говорить, обязательно скажу.

– Хорошо, договорились. Если еще какие вопросы возникнут – спрашивай.

– Договорились. Спасибо тебе большое.

Цыплаков засунул в карман смартфон и посмотрел на следователя.

– Она тебе хорошая знакомая? – спросила Ирина Матвеевна.

– Очень хорошая. Так что не волнуйтесь, она не сделает никаких глупостей.

– Она тебе еще ничего о нем не рассказывала?

– Я ее подробно не расспрашивал о нем, но буду говорить с ней. Я вот что еще думаю. Я постараюсь уговорить ее следить за ним. Не за тем, конечно, как он работает. Она будет собирать информацию для наших целей. Не исключена возможность, что в этой информации появится какое-то хотя бы маленькое зернышко, полезное для нас. И у меня к вам есть вопрос.

– Ко мне? – спросила Ирина Матвеевна.

– К вам, конечно.

– Какой вопрос?

– Как вы думаете, можно ли сейчас сказать ей, что он убил человека?

Ирина Матвеевна задумалась. Сложный вопрос, несмотря на кажущуюся простоту.

– Если твоя знакомая может сделать таким образом, что он не заметит никаких наблюдений, слежки за собой, то, конечно, можно сказать. Возможно, она проявит себя хорошим, безупречным конспиратором. Вот в чем главный вопрос. Как ты думаешь, Цыплаков?

– Не знаю, – сказал патологоанатом.

– Тогда не нужно пока говорить ей об этом. Завтра поговорим с полковником. Евгений Николаевич – опытный сыщик, многое повидал и многое знает.

– Федя, – обратилась следователь к Кругликову, – а ты завтра обязательно сходи в деканат факультета физического воспитания. Поговори с деканом. Он, наверное, порекомендует побеседовать с какими-либо преподавателями, которые хорошо знают этого Баклажанова. Они тебе нарисуют его образ. Он нам пригодится.

– Да, сейчас схожу, – порывисто сказал Кругликов. – Зачем медлить? Зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня?

– Федя, сейчас поздно, – возразила Ирина Матвеевна, – занятия уже закончились, преподаватели разошлись. Декан, конечно, сидит у себя в кабинете, но он устал, а может

быть, и не в настроении после насыщенного всякими делами, мелкими, крупными, нужными и не очень нужными, всякими делами рабочего дня. Но декан не помнит всех студентов, которые уже закончили педуниверситет. Вот в чем вопрос. Тебе надо поговорить с преподавателями, которые хорошо его знали. Вот они как раз могут помнить его.

– Два года назад он окончил университет, – сказал Цыплаков, – не так уж и много времени прошло. На факультете физвоспитания есть спортивные секции. Как правило, студенты занимаются в секциях по выбору. И наш предполагаемый субъект наверняка занимался в какой-нибудь спортивной секции. И руководитель секции, конечно, хорошо знает всех своих студентов. Вот с ним надо обязательно поговорить. Не мешало бы сейчас найти способ как-то познакомиться с ним, хотя бы посмотреть на него со стороны.

– Это нам очень нужно сейчас, Дмитрий Савельевич, – посмотрела Ирина Матвеевна на патологоанатома, – ваша знакомая, хозяйка цветочной фирмы, никак не может помочь нам в этом деле? Хотя бы его фотографию получить, на фото его увидеть. Иногда помотришь на человека и сразу скажешь, способен он на страшный поступок или нет, внешность о многом говорит.

– Дело в том, что он часто находится в разъездах по районам области, ездит в другие области по разным вопросам. Так что, его не так просто увидеть. Но я с ней поговорю, она женщина умная, все поймет, что нам это для чего-то нужно.

– Поговори с ней, Дмитрий Савельевич, – вежливо попросила следователь патологоанатома.

– Обязательно поговорю.

– Нам просто необходимо иметь о нем какую-то информацию. Находить, выискивать, собирать информацию о преступнике – это, как я полагаю, наиважнейшая сторона следственной работы. Конечно, это, так сказать, внешняя информация, поверхностная, но она все же создает какую-то картину о преступнике, на какие-то миллиметры приближая нас к цели.

– А цель от нас далека, далека, так далека, что ее ни в одну подзорную трубу не увидеть, – сострил Федя Кругликов.

– Федя, нам надо найти преступника, – твердым голосом сказала Ирина Матвеевна, – как бы далеко от нас он ни находился, все от нас зависит. Давайте подумаем о том, что мы должны с вами сейчас сделать, чтобы в кратчайший срок раскрыть это чудовищное преступление. Евгений Николаевич вчера был у высокого начальства. Это высокое начальство дало указание раскрыть преступление в самые кратчайшие сроки.

– Начальство всегда говорит о самых кратчайших сроках, – недовольно сказал патологоанатом Цыплаков.

– Это понятно, – сказала следователь, – этому высокому начальству надо отчитываться перед еще более высоким начальством, вот в чем дело.

В кабинете следователя наступило глубокое молчание, как будто все сидели на похоронах и боялись произнести хотя бы одно слово. Молчание пугающее. Люди, когда им нечего сказать или нельзя сказать ничего в данной ситуации, становятся на какое-то время немymi существами. В какой-то момент бывает и так. Нечего сказать. Улики сами не придут, не прибегут, не дадутся живыми в руки. Их надо отыскивать, находить разными путями, способами. Это понимают молодые и бывалые сотрудники. Тишина, воцарившаяся сейчас в кабинете следователя, хоть и была на первый взгляд заупокойная, немая, но, тем не менее ее ни в коем случае нельзя назвать мертвой, которая намертво сковывает все мысли, желания и чувства, желание действовать, искать, побеждать. Присутствующие на совещании работники отдела хорошо понимали, что порой самые причудливые на первый взгляд не очень реальные способы поисков путей к цели, зародившиеся в голове, могут дать неплохие результаты. Они не совпадают с нормальной, так сказать, выверенной, практичной наукой – логикой, но результаты, как показывает жизнь, есть. Надо изощряться в таких случаях, когда нет возможностей для обнаруже-

ния реальных улик. Может быть, даже искать их в мире виртуальном, где все вывернуто, перевернуто наизнанку, и все не так, как в нашем нормальном, привычном мире.

– Наверное, хватит молчать, – усмехнулась Ирина Матвеевна, оглядела внимательным взглядом Круликова и Цыплакова, погрузившихся в какие-то можно подумать грезы или иллюзии.

– Надо придумать какой-нибудь необычный, нестандартный способ воздействия на душу и разум нашего преступника, – спокойно сказал молодой опер Кругликов, – я чувствую, что будничные накатанные способы, приемы розыска нам ничего не дадут. Мы будем искать преступника сто лет и не найдем. Надо выходить за пределы разумного, обыденного.

– Федя, придумай что-нибудь, – повеселела Ирина Матвеевна после длительного молчания.

– Федя, – спросил Цыплаков, – а что можно узнать при помощи твоего необычного способа, так сказать, виртуального способа воздействия на душу, чувства и разум убийцы? На убийцу невозможно подействовать никакими ухищрениями, никакими способами и приемами. А по-твоему выходит, что он признается в содеянном преступлении, если подействовать на него каким-то необычным, чудодейственным способом. Это заблуждение.

– Я не говорю, что при необычном способе воздействия убийца сразу признается в своем преступлении. Конечно, он не скажет, что он убил студента. Но он обязательно скажет нечто такое, из чего можно сделать вывод о том, что он – прямой виновник.

– Надо провести психологический эксперимент, который может сильно подействовать на его психологию.

– Тогда надо его загипнотизировать, – сказал Цыплаков. – Ты можешь выступить в роли такого гипнотизера? Не можешь? Это очень сложное дело, это могут делать только специалисты, причем специалисты высокого класса.

– Да нет, Дмитрий Савельевич, я не совсем об этом говорю. Я имею в виду совсем другой способ, которым пользовались в прошлые века. Тогда было немало таких способов. И некоторые из них – довольно результативны. Дело в том, что каждый человек имеет свою психику, данную природой или богом от рождения. Есть, как я думаю, психика слабая и сильная. Есть воля сильная и слабая. И задача заключается в том, чтобы на человека подействовать неожиданно. Неожиданность, причем ювелирно приготовленная неожиданность, очень сильно может подействовать на любого человека, независимо от его воли, от нервной системы. Неожиданность в любом случае ошарашивает человека, не дает ему никакой возможности подумать, взвесить все обстоятельства. У него появляется страх. Испугаться может человек и сильной воли, смелый и отважный. Но он, испугавшись, может держать себя в состоянии спокойствия, пусть даже относительного спокойствия. Но он не выдаст себя. Человек со слабой волей, со слабой нервной системой, трусливый и боязливый в таких случаях может с головой выдать себя. Одним словом, надо искать путь к достижению цели. Кто ищет, тот всегда найдет. Вот в чем смысл.

Все опять замолчали, как будто обдумывали соображение Кругликова о возможности каких-то нестандартных, непривычных, о каких-то замысловатых, сюрреалистических способов обнаружения улик. Ирина Матвеевна ожидала, что выскажет свои соображения по этому поводу патологоанатом Цыплаков. Но он после небольшого выступления, в котором высказал свои глубокие сомнения о взглядах Кругликова относительно нестандартных способах выработки реальных действенных улик, молчал. Сама она видела в рассуждениях молодого опера определенный положительный смысл. Однако, в общем и целом сомневалась в реальной возможности использовать его фантастические замыслы. Тут все ясно – опер молодой, пока еще не накопил достаточных практических навыков в розыскной работе, но ему все же хочется показать себя, свои возможности и решительность к действию. Ему, конечно, хочется как

можно скорее взять преступника, и поэтому он пустился в поиски необычных методов в следственной работе.

– Дмитрий Савельевич, – сказала она, обращаясь к патологоанатому, – я как-то говорила, что не надо говорить вашей знакомой хозяйке цветочной фирмы о том, что ее новый сотрудник по нашим предположениям убил человека. А сейчас я передумала. Скажи ей об этом. Ничего тут нет страшного.

– Конечно, нет ничего страшного, – согласился патологоанатом.

– Она будет, может быть, более целенаправленно проводить за ним наблюдение, возможно, найдет какие-либо незаметные или малозаметные нюансы в его поведении. Пусть пристанет внимательнее к выражению лица, когда говорит с ним, к тому, как он относится к ее поручениям, советам, к ее возможным практическим замечаниям и так далее. Во всем этом, во всех таких мелочах представляется личность человека, его характер, его отношение к окружающим людям. Нам сейчас нужна любая информация о нем, иначе мы никогда не раскроем его, не вычислим. Договорились?

– Договорились, – согласился со следователем патологоанатом.

– Ну и хорошо. Будем работать.

Глава 5

На следующий день прямо с самого начала работы, Ирина Матвеевна, Кругликов и Цыплаков сидели в кабинете начальника. Полковник Миловидов как всегда был спокоен, уверен, и по жизнелюбивому выражению его лица, темно-серых глаз было видно, что он настроен самым оптимистическим образом в отношении тех задач, стоящих перед отделом, который он возглавлял. Крупнотелый, плечистый, в своей военной форме он выглядел каким-то еще неизвестным героем, который может преодолеть любые трудности, препятствия, если таковые встретятся на его пути. Он достал из верхнего ящика стола тетрадь с какими-то записями, раскрыл на нужном месте, что-то там прочитал быстро и отодвинул эту тетрадь на середину стола. И обвел строгим взглядом присутствующих.

– Руководство Управления по борьбе с преступностью поставило перед нами большую и нелегкую задачу. Кстати сказать, у нас не бывает легких задач, – сделал он маленькое, но красноречивое замечание. – Эти задачи вы знаете. Мы с вами о них уже говорили. В сущности, задача одна – раскрыть преступление. Нам всем было указано, чтобы преступление было раскрыто в самые кратчайшие сроки и во что бы то ни стало. Даже любой ценой, – сказал он явно для того, чтобы показать, что руководство само не знает и не понимает, что говорит. – Что значит во что бы то ни стало? И что значит любой ценой? – повторил он требование высокого руководства. – Руководство горит желанием как можно быстрее отчитаться перед еще более высоким руководством о том, что тяжкое преступление успешно раскрыто, – тихо сказал он и снова обвел своим взглядом подчиненных ему сотрудников отдела. – Но я, откровенно говоря, не понимаю, что значит раскрыть преступление во что бы то ни стало и любой ценой.

– Тут все ясно, Евгений Николаевич, – подала голос следователь Суворова. – Это значит, что мы должны как можно скорее, впопыхах, найти фальсифицированные улики, выдуманные, скороспелые, одним словом – псевдоулики. И на основании таких псевдоулик мы должны объявить обвиняемому, что он убил человека. Ведь так можно невинного ни в чем человека сделать виновным и отправить его на нары, за решетку. Подобное у нас можно сказать не так уж и редко бывает.

– Вы правильно сказали, Ирина Матвеевна. Руководство подгоняет нас, сказав, «быстрее, во что бы то ни стало»... Но мы, конечно, не пойдем по такому пути. Принцип «любой ценой» я отмечаю. Мы работаем и будем работать, как говорят, не покладая рук и не жалея своих сил. Работать, конечно, надо, и мы все заинтересованы в том, чтобы поскорее раскрыть преступление. Но дело в том, что от нас многое, даже очень многое не зависит. И мы с этим ничего не можем сделать. Наше расследование будет объективным. Иным оно и быть не может. Улик у нас практически нет никаких. Что вы сделали за последние дни? – спросил полковник и, придвинув тетрадь к себе, прочитал в ней последние записи.

– Евгений Николаевич, – тихо, но не разочарованно сказала Ирина Матвеевна, – если говорить о серьезных уликах, при помощи которых мы можем объявить нашего предполагаемого преступника, у нас пока нет. Что у нас сейчас есть? Мы знаем, где работает наш так называемый «предполагаемый», знаем его фамилию, знаем, где он учился, в каком институте.

– Какой он институт окончил? – спросил полковник.

– Пединститут, физвос. Я беседовал с деканом факультета, – сказал опер Кругликов. – И с тренером, который готовил студентов по лыжам. Он хотел уже уходить домой, и я чудом его застал у декана.

– Ну, и что говорят о нем? – спросил полковник.

– Отзыв самого декана и тренера по лыжам не лестный. Одним словом, ничего хорошего не сказали. Правда, он увлекался спортом, особенно лыжами.

– А как человек, личность? – спросила Ирина Матвеевна.

- Очень злой.
- Прямо так и сказал?
- Да, прямо так было сказано.
- Кто сказал? Декан или тренер?
- И тот, и другой. И еще что? – интересовалась следователь.

– Мстительный, задиристый, драчливый. Тренеру не понравился его взгляд. Подозрительный какой-то, вроде подстерегающий. Агрессивный, вспыльчивый. Так декан сказал. Декан запомнил это, хотя этот человек окончил институт три года назад. Запоминающийся взгляд.

– Довольно характерные признаки, – сказал полковник Миловидов. – И такими признаками наделены довольно многие люди. Независимо от национальности, образования, вероисповедания и так далее. Об этом говорят психологи, психоаналитики, социологи, биологи и представители других наук. Спросите любого невропатолога – он вам то же самое скажет. Это генетические признаки, врожденные. Они не поддаются лечению. И сам человек как бы ни хотел от них избавиться, сделать это не в силах. Правильно подмечено в хорошей русской поговорке: что сделано в кузне, не переделаешь в кузне. И, как говорит практическая жизнь, именно такие люди больше всего склонны к преступлениям. В том числе к тяжким преступлениям. И не только склонны, но и совершают их при стечении определенных обстоятельств. Как зовут нашего предполагаемого субъекта?

- Баклажанов Василий Омарович, – сказал Цыплаков.
- Так вот, этот Баклажанов Василий, как его отчество?
- Омарович, – повторил Цыплаков.

– Так вот, наш Омарович из этой категории людей. Он, как явствует из рассказа декана и тренера, тоже страдает многими генетическими изъянами, врожденными изъянами, от которых страдают нормальные люди. Откуда берутся все эти врожденные признаки? Как гласит наука, человек в процессе эволюции, длящейся не один миллион лет, вышел из животного мира. Дарвин говорил, что все мы произошли от обезьян, хотя верил в Бога. Богословы и просто верующие упрекали его в этом, мол, веришь в Бога, а сам несешь такую несусветную ересь. Ученый разводил руками и говорил в ответ, что обезьяны слишком похожи на людей, люди – на обезьян. Сейчас многие религиозные философы, служители церкви говорят, что, видимо, тело человека, его материальная оболочка есть действительно продукт длительной органической эволюции. Но разум дан человеку Богом, Творцом. И вот посмотрите на людей, генетически искореженных, изувеченных этой органической эволюцией. В них есть многие признаки животного царства: алчность, жестокость, злоба, мстительность и многое другое. Все это от животного мира, в том числе и от хищного. Из древних, очень древних эпох гены пришли через многочисленные поколения людей. И теперь от них передаются по наследству. Можно сказать, – продолжал развивать свои взгляды полковник, – что в результате длительной органической эволюции гены от животного мира дошли и до современных людей.

Еще древние ученые, философы утверждали, что в нашем человеке скрывается животное. Аристотель, например, утверждал, что человек – это животное, но животное политическое. Человек создал государство, правовые законы, которые, так или иначе, регламентируют отношения между людьми. В мире животных нет никаких правовых норм, нет законов, запрещающих что-то или разрешающих что-то. Если какая-то обезьяна украдет у друзей-обезьян банан или какой-либо еще витамин, то она не будет отвечать ни перед кем. Ее судить никто не будет, и в тюрьму не посадят. А если медведь в лесу разорил пчелиное гнездо, его тоже никто судить не будет. Он в лесу полновластный хозяин, потому что здесь он – самый сильный зверь. Стихийно устанавливается закон сильного или самого сильного.

В обществе тоже возможно право сильного. Но здесь другое дело. Здесь оно ограничено правовыми нормами. А если дать волю всем негодьям, подонкам, отморозкам, то они уста-

новят такой закон сильного, какой не приснится львам, тиграм, медведям в самых красивых или страшных снах, – улыбнулся полковник. – И еще я хочу сказать, что, как показывает сама жизнь, у многих людей сидят в крови гены хищников, которые устанавливают свои законы в тайге, в саваннах, в океанах и морях и так далее. Вот и у этого Баклажанова Васи в крови сидят эти гены и руководят им. Каждый человек, хочет он или не хочет, подчиняется своим генам, подчиняется голосу природы, зову предков. Конечно, действие этого закона ограничено всевозможными нормами морали, запретами, уголовными законами. Но на нашего предполагаемого убийцу эти ограничения подействовали не в полной мере. Я считаю, что это он убил студента. Считаю пока интуитивно. И я убежден в этом. Он злой, хищный, мстительный. Когда такой человек убивает другого человека, он не понимает, что делает, но понимает, что им руководят стихийные законы природы, доставшиеся нам от мира животных. Но человек, каким бы он ни был, в таких случаях преследует свою цель, личную цель. В мире животных этого нет. Там нет никакого, даже слабенького разума.

Почему я думаю, что студента убил именно этот самый Баклажанов, – презрительно поморщился Миловидов, когда произносил эту фамилию, – а никто другой. Наши сотрудники работали с председателями ТСЖ всего нашего микрорайона. Они внимательно просмотрели фотографии всех жильцов, в первую очередь, конечно, молодых людей мужского пола. Переворошили много бумаг. И что вы думаете? Только один молодой парень с толстыми губами нашелся. И кто он? Это Баклажанов Вася.

Девушка, на которой он женился, как выяснилось, тоже живет в этом микрорайоне. Медицинский институт, в котором она учится, тоже в нашем микрорайоне. Баклажанов переехал сюда и встретился с этой девушкой. А когда он узнал, что она понравилась еще одному парню, он его устранил. Убил его. В подсознании предполагаемого убийцы взыграли гены зверей, которые хорошо угнездились в его мозгу. Человек, у которого нет таких генов или они недостаточно сильные, ярко выраженные, никогда не убьет другого человека ради своей личной цели. И вообще, ни при каких условиях не совершит такого тяжкого преступления. Конечно, я не могу доказать своих предположений относительно убийства студента технического университета. У меня нет прямых доказательств. Нет веских доказательных улик.

– Евгений Николаевич, – подал голос опер Кругликов, – но ведь не все люди с толстыми губами злые, хищные, не все могут убить человека. Как вы думаете?

– Совершенно верно, не все, – согласился полковник без лишних прений. – Есть исключения практически из каждого закона. Здесь необходимо учитывать общее выражение, которое на всю жизнь припечатано на лице каждого человека, независимо от того мужчина или женщина этот человек. На лице каждого человека можно прочесть многое: злость, ненависть, агрессивность, мстительность и многие генетически предопределенные свойства. Такими же могут быть и люди с тонкими губами.

Один философ девятнадцатого века утверждал, что человек не рождается чистым листом бумаги. На этом листе природа уже кое-что написала. И написала довольно много. Можно встретить людей, на физиономии которых красноречиво выделяются очень хорошие, приятные для глаза свойства души, качества: доброжелательность, благоразумие, порядочность, гуманность, правдивость и прочие благодетельные свойства. Но я все-таки убежден, что большинство людей с толстыми губами очень злые, коварные, недоброжелательные, агрессивные и даже беспощадные. И я убедился в этом на собственном жизненном опыте а также на опыте розыскной работы. Почему я заикнулся на толстых губах? Да потому что у нас была, как вы знаете, информация о том, что на месте преступления видели молодого человека, у которого самым заметным отличительным признаком были толстые губы. Этот человек нашелся. Но мы только предполагаем, что он – убийца.

Наши сотрудники искали в ТСЖ документы парня с такими губами. И он оказался в этих делах. Я убежден, что именно он убил студента. Из-за ревности. Боялся, что тот уведет у него

девушку. Сможем ли мы доказать, что он не предполагаемый, а реальный убийца студента или не сможем – вот главный вопрос.

– Евгений Николаевич, – слегка приподняла руку Ирина Матвеевна, – Федя Кругликов предлагает провести несанкционированный обыск в квартире, где сейчас живет мать и где сам Баклажанов жил до женитьбы.

– А что это нам даст? – посмотрел полковник на Кругликова.

– Мы можем найти обувь, в которой он был на месте преступления. И сравнить его следы с отпечатками, которые у нас есть.

– Скажу сразу, – перебил опера полковник, – наши люди уже обнаружили его следы около здания цветочной фирмы, где он сейчас работает, и сравнили их с отпечатками, обнаруженными вами на месте убийства студента. Сейчас он ходит в новых туфлях, а старые давно выбросил. Преступники не дураки. Они всеми силами оберегают свое собственное спокойствие.

– Можно найти орудие преступления, записную книжечку, которая была у студента. Преступник взял ее.

– Держать дома орудие преступления может только обитатель дурдома, потому что он многих вещей не видит и не понимает. Одним словом, ничего не соображает. Наш преступник предполагаемый не будет держать это орудие дома. Он его выбросил очень далеко. Что можно сказать о записной книжке? Представим, что мы нашли у него дома эту книжку. На допросе он спокойно скажет, что нашел ее недалеко от места убийства. Так что она не может служить серьезной уликой. Если бы мы доказали, что он взял эту книжку из кармана убитого студента, то, наверное, он сейчас уже сидел бы в тюрьме. Что нам надо делать сейчас? Точнее, что мы можем сделать, чтобы приблизить нашу цель? Главная цель известна. Надо раскрыть преступление и наказать виновного. Но у нас есть и ближайшая цель, можно сказать, самая ближайшая. Мы должны найти веские аргументы, которые позволят нам объявить Баклажанова подозреваемым в убийстве студента. И перешагнуть ее никак нельзя. Мы должны и обязаны делать все это по закону и по справедливости. Принцип «во что бы то ни стало» абсолютно здесь неприемлем. Можно наломать дров. Я думаю, – спокойно продолжал полковник, – нам сейчас необходимо установить за ним постоянное наблюдение. Мы знаем, что он работает в цветочной фирме, знаем, где его квартира, в которой он жил с матерью до женитьбы. Сейчас он живет у тестя – отца жены. А где работает мать предполагаемого преступника?

– Она работает кассиром в супермаркете, – доложил патологоанатом Цыплаков. – И у меня есть к вам вопрос.

– Какой?

– Мы пока еще точно не знаем, кто убил студента – Баклажанов или не Баклажанов. Не получится ли у нас так, что все наши старания через какой-то промежуток времени превратятся в пыль и прах? Мы ничего не знаем пока. И он у нас значит как предполагаемый убийца. Мы даже отдаленно не можем определить его как подозреваемого. Не идем ли мы в настоящий момент по неверному, по заведомо ложному пути?

Евгений Николаевич недолго помолчал, проводя ладонью по лбу, посмотрел в окно, потом посмотрел в тетрадь.

– Дело в том, что людям довольно часто приходится идти по ложному пути. Особенно это заметно в среде познания природы и общества. В истории науки это бывает довольно часто. Что говорят по этому поводу философы? Они говорят, что мы идем от незнания к более полному и точному знанию. Мы с вами тоже познаем мир, познаем общественные отношения в их самых разных проявлениях. Мы кое-что знаем о предполагаемом преступнике. Допустим, что мы идем по неверному, по ложному пути. Но мы постепенно углубляемся в мир тех общественных связей, которые необходимы для решения наших задач. И может оказаться, что преступник не предполагаемый Баклажанов, а кто-нибудь еще. Это дело времени. Путь этот нелегкий, тернистый, будут и разочарования, но это вполне естественно. Легких путей в наших делах

нет, не было и не будет. Сколько надо переверочать, переискать породы, чтобы получить один грамм золота? Очень много. Многие тысячи, а может и миллионы тонн. Кстати, есть у Баклажанова отец или нет отца у него? – неожиданно спросил полковник и посмотрел на присутствующих сотрудников отдела.

– Об этом пока мы не знаем, – сказала Ирина Матвеевна. – Но мы обязательно узнаем.

– Узнавайте! – сказал полковник.

Руку поднял Цыплаков, видимо, с намерением сказать что-то хорошее.

– Говори, Дмитрий Савельевич. Что у тебя?

– Хозяйка цветочной фирмы, где сейчас работает Баклажанов, согласилась как следует наблюдать за ним. Я сказал ей, что мы ее работника подозреваем в убийстве. Она сначала забеспокоилась, заволновалась, дескать, кого держит в своей фирме менеджером. И уже выразила готовность немедленно уволить его. Но я уговорил ее не торопиться. И попросил как следует пронаблюдать за ним, за его какими-то возможными связями, знакомствами, встречами и так далее. И сказал ей, что она поможет следствию до конца раскрыть преступление. Она согласилась.

– На нее можно положиться? – спросил Евгений Николаевич.

– Можно, очень можно, – ответил утвердительно Цыплаков. – Она умная женщина, волевая, терпеливая, добросовестная.

– Как ее зовут? – спросила Ирина Матвеевна.

– Зинаида Артемовна. Она очень общительная, разговорчивая, но не болтливая. Лишнего не скажет.

– Это хорошо, – одобрил полковник инициативу патологоанатома. – Надо учитывать самые малейшие высказывания о нем, о его характере, образе жизни. И вот таким путем – к желаемым результатам. В науке иногда приходилось идти от заблуждения к истине. Вот и мы тоже будем, может быть, двигаться точно также: от заблуждения к истине. Нам известен мотив преступления. Это ревность. Иного мотива в данной ситуации нет и быть не может. Баклажанов живет очень близко от мединститута. Я, разумеется, не хочу сказать, что по этой единственной причине он познакомился со студенткой мединститута. Я, как и вы все, сидящие здесь, тоже когда-то был студентом. И я хорошо знаю, что молодые ребята ходят к девчонкам в основном в ближайшие по месту жительства институты. Скорее всего в ближайшие. Помню, ребята, уже окончившие вузы, ходили искать себе жен в строительный институт, потому что он был поблизости от их жилья. Двое моих знакомых женились на студентках строительного института. И наш предполагаемый убийца скорее всего обратил внимание на учебное заведение, находящееся поблизости от места его проживания. И еще я хочу вот что сказать. В нашем микрорайоне ни разу не появлялся молодой парень с толстыми губами. Я хожу часто пешком и приглядываюсь, ни одного такого не видел. Этот факт нельзя полностью игнорировать, отвергать, сбрасывать со счетов. Разумеется, мы не должны руководствоваться только этими соображениями. Мы должны расширять круг поисков, идти к желаемому результату. Желательно, конечно, привлечь к этому делу информаторов. Надо учитывать все мелочи, все нюансы в этой информации, которая у нас будет появляться в ходе наших поисков. Будем работать и все у нас получится. Кто желает поделиться своими соображениями о дальнейшей работе по расследованию преступления? – спросил полковник и обвел внимательным взглядом своих подчиненных. И почувствовал, что пока нет таких желаний, привычно сказал, – нет желающих. Тогда наше совещание закончено. Все свободны. Ирина Матвеевна, а вас я попрошу задержаться на некоторое время.

– Евгений, а зачем надо оставаться? – спросила Ирина Матвеевна, когда все вышли из комнаты.

– Ира, мне хочется побыть с тобой наедине, – со всей откровенностью, выразившейся во взгляде и в словах, сказал Миловидов.

- Но сейчас рабочее время. И у тебя, и у меня.
- Мое желание остаться с тобой наедине не зависит от того, какое это время – рабочее или нерабочее.
- Все ясно. Ты мне хочешь что-то сказать?
- Хочу спросить, Ира.
- А что хочешь спросить? – любопытный интерес сверкнул в глазах следователя.
- Ты не забыла, о чем мы недавно с тобой говорили?
- Нет, – улыбаясь, помахала головой Ирина Матвеевна.
- Ну, и что скажешь?
- Относительно чего? – вопросительно смотрела следователь на полковника. – Напомни, о чем мы с тобой говорили. А то вдруг я подумала не том, о чем ты думал.
- Что ты скажешь насчет романтического ужина?

Ирина Матвеевна поджала губы, взор ее потух, она опустила глаза. Она, конечно, прекрасно знала, зачем начальник хотел остаться с ней наедине. Такое предложение, которое он сделал несколько дней назад, невозможно забыть. Она помнила об этом и ожидала, что он снова заговорит об этом. И сейчас, когда он помнил о своем предложении, волна приятных и в то же время противоречивых чувств охватила все ее сердце и разум и в одно мгновение породила множество дополнительных сомнений, разрешить которые невозможно не только в одной беседе, но и вообще в целом. Отношения, которые постепенно сближали их, заставляли часто посматривать друг на друга с вожеланиями, интимными желаниями, возникли не так давно. Ирина Матвеевна поняла, что начальник хочет за ней крепко поухаживать и осуществить какую-то заветную цель. И, поняв это, не подумала о начальнике ничего такого, что могло бы унижить его в ее глазах и мнении. Весь секрет заключался в том, что он ей тоже нравился.

Следователю самой хотелось как можно чаще оставаться со своим начальником наедине. Но ей неприятно было от мысли, что это всего лишь банальные, кратковременные отношения, довольно часто возникающие между начальником и подчиненной по службе женщиной. Однако со временем, как потом поняла Ирина Матвеевна, чувства укреплялись, углублялись, не тускнели, что они не оборвутся и никогда не потускнеют. Она мельком взглянула на полковника и быстро опустила взор. И который раз в этот момент подумала, что Миловидов интересный, привлекательный, очень симпатичный мужчина. На его лице нет ни одного штриха, который был бы ей противен, неприятен и вызывал бы у нее плохие чувства. И по своим духовным качествам он импонировал ей. Умный, интеллектуально развитый, любит литературу и философию. С ним можно говорить очень интересно. Можно без конца слушать, когда он говорит с ней своим лирическим баритоном о каком-либо прочитанном романе, прочитанной повести или хорошем стихотворении в каком-либо журнале. Его можно заслушаться и забыть обо всем на свете.

- Я в принципе не против твоего желания устроить романтический ужин.
- Отлично! Прекрасно! – воскликнул полковник, отвел руки от стола и выпрямился. В его темно-серых глазах мелькнул яркий, какой-то огненный фейерверк радости и даже необыкновенного счастья. Такого счастья, которого он ожидал всю предшествующую сознательную жизнь. И сейчас ему показалось, что он дождался, наконец, этого долгожданного момента. – Мне бы хотелось устроить романтический ужин сегодня. Ты как думаешь, Ира? Что скажешь?
- Сегодня? – спросила Ирина Матвеевна.
- Да, сегодня.
- Где?
- В каком-нибудь хорошем ресторане я закажу столик на двоих, и мы там проведем время. Отдохнем от нашей следовательской волокиты, от всяких служебных проблем, отчетов,

приказов. Нельзя же все время думать о работе, о своих служебных обязанностях, хотя это не получается. Но все же надо отвлекаться от всего этого, на какое-то время забыть о них.

Ирина Матвеевна пристально посмотрела на полковника.

– Евгений, какие у тебя отношения с женой? – спросила она таким серьезным тоном, который говорил о том, что этому вопросу она придает не просто важное, но первостепенное значение.

Евгений Николаевич склонил голову набок и скосил взгляд в угол комнаты.

– Отношения с женой у меня очень простые и очень прозрачные. Я – сам по себе, она – сама по себе. Я не спрашиваю, где она была, где задержалась до позднего времени, иногда до утра, а она у меня ничего не спрашивает, не придирается, не устраивает никаких сцен. Одним словом, у нас полная свобода и полная демократия.

– Евгений, ты меня удивляешь.

– Чем?

– Своими словами.

– Почему тебя это удивляет?

– Ну, как ты думаешь, почему?

– Я не знаю, Ира.

– Тогда я отвечу, если ты не знаешь.

– Отвечай. Я слушаю.

– Ответ сам собой напрашивается. Вы, видимо, долго отдалялись друг от друга, а сейчас стали совершенно чужими друг другу. И давно так случилось, что она не интересуется, где ты задерживаешься, а ты – где она задерживается?

– Понимаешь, Ира, это случилось как-то незаметно, непроизвольно, независимо от нашей воли и разума. И я даже не могу припомнить, когда именно это началось. Ну, примерно года два назад. Я ничего от тебя не стану скрывать. Мы с ней вели серьезные беседы о разводе. Развестись можно очень быстро. Это сейчас не проблема. Мы с женой говорили о сыне.

– Это правильно. Это очень хорошо, – с искренним удовлетворением отметила Ирина Матвеевна.

– О детях забывают только никудышные родители. О сыне мы пока говорили как-то вскользь, мимолетно, потому что не подошли к этому водовороту, который называется развод. Но в нашем разговоре выяснилось, что она проявляет большую заботу о сыне.

– Надо полагать, – сказала Ирина Матвеевна, что ты проявляешь о сыне не меньшую заботу.

– Разумеется, Ира. Ты меня хорошо знаешь. Я сына очень люблю. Да и жена не чаёт в нем души. И мы понимаем, что для сына лучше, когда мать и отец живут вместе, под одной крышей и проявляют о нем большую обоюдную заботу. Но я думаю, что мы не сможем быть вместе. Не сможем жить под одной крышей. Ну и, видимо, приближается тот день, когда мы обсудим вопрос о том, как сделать так, чтобы наш развод не возымел на сына тяжелых моральных и прочих воздействий. Он должен чувствовать в равной степени любовь матери и любовь отца. А также и обоюдную о нем заботу. Это, как я думаю, можно сделать с наименьшими потерями для нашего сына. Он может приходить ко мне, когда ему захочется, пожить у меня, а когда захочет – с матерью.

– Правильно. Так делают умные родители. А ты знаешь, Евгений? Ты со мной предельно откровенен. Я тебе отплачу такой же чистой откровенностью.

– Давай, расплачивайся, – пошутил полковник.

– У меня точно такая же история получилась, как и у тебя. Мы разошлись с мужем. Но договорились при этом, чтобы наш развод не вызвал никаких издержек для дочери. Она ходит к отцу. Живет у него. Новая жена к ней относится прекрасно. Даже любит ее. Она

недавно ездила с отцом в Крым. Там они отдыхали, купались в море, совершали прогулки на катере. Но в основном дочка живет со мной. Девочки всегда льнут к матери. Видимо, какой-то инстинкт проявляется. Твоя жена где работает?

– Она актриса. Работает в драматическом театре. А твой муж где работает?

– Тоже в театре. Он тоже актер.

– Ира, мы обо всем с тобой поговорим, о чем хотим поговорить. Все выясним. Давай вернемся к нашему вопросу. Как ты думаешь?

– К романтическому ужину?

– Совершенно верно.

– Я согласна.

– Сегодня?

– Да, но есть одно НО.

– Какое?

– В ресторане я не хочу

– А где хочешь?

– Надо подумать.

– А что тут можно придумать? – спросил полковник. – Почему ты не хочешь в ресторане?

– Евгений, я не хочу, чтобы нас со всех сторон окружали люди.

– Ну и пусть окружают.

– У меня другое мнение. Такой ужин, который предлагаешь ты, должен проходить в интимной обстановке. В романтической обстановке, – убежденно доказывала Ирина Матвеевна. – А в окружении большого количества людей – какой это романтический ужин? Какая тут возможна романтика? Никакой романтики. Да еще какие люди будут сидеть неподалеку от нас? Всякие есть люди в ресторанах. Есть, конечно, подлецы, негодяи, многие из которых знают, где мы работаем с тобой, чем занимаемся. А потом будут распространять по городу всякие сплетни о нас, небылицы. Давай еще что-нибудь придумаем.

– А что можно придумать, – задумался Евгений Николаевич. – А вообще, подожди. Я знаю один ресторан, в котором можно заказать отдельную комнату для романтического ужина.

– И в отдельной комнате тоже будут посторонние люди. Официанты, например, потом в коридорах будут ходить люди, разговаривать, кричать. Это все равно ресторан.

– Евгений, ты хочешь, чтобы романтический ужин был сегодня?

– Совершенно верно. Мы уже с тобой говорили об этом. Но все время почему-то откладываем то на завтра, то на послезавтра, то на неделю. Мне хочется побыть с тобой вдвоем, чтобы никто не мешал, чтобы никто на нас не пялил глаза. Я, конечно, с тобой согласен во всем. Но, а что делать?

– У меня есть предложение, – неожиданно начала Ирина Матвеевна.

– Какое?

– Только не подумай, что я греховодница, что я безнравственная женщина, невоспитанная.

– Ира, о чем ты говоришь? – обиженно сказал полковник. – Как я мог так о тебе подумать, если ты очень хорошо воспитана, если в нравственном отношении ты чиста, как ангел небесный? Я тебя прекрасно знаю. Не один месяц с тобой работаем. Так что, отбрось свои мысли и всякие ненужные никому предположения. Что ты предлагаешь?

– Я отправила дочку в село, к маме.

– На свежий воздух! – с восклицанием сказал Евгений Николаевич.

– Воздух там, конечно, отменный. Что и говорить. Машенька так рада, что она сейчас в деревне у бабушки. Там есть небольшой садик, растут яблоки, сливы – все хорошее, свежее, безо всяких химических прелестей. Все свое, проверенное, чистое. Ешь яблоко и наслаждаешься. Зелени очень много. Всякие травы, цветы, птичек много, собака, кошечка. Пусть ребе-

нок посмотрит на природу, неиспорченную пока людьми, нашей цивилизацией. Я подумала и решила отправить ее в деревню. В этом году пораньше отправила. И маме с внучкой веселей. В городе, конечно, нет такой природы, как в деревне, нет такой экологии.

Я живу в двенадцатиэтажном доме, на девятом этаже. Смотришь вниз – все люди кажутся смешными карликами, машины кажутся божьими коровками. А машин ужасно сколько во дворе паркуется. Вся грязь, которая от них исходит, поднимается вверх, порой просто дышать нечем. Во дворе нет ни одной птички, нет даже воробьев, синичек, галок, голубей. Ни одного муравья не найдешь днем с огнем, ни одной божьей коровки, ни одной бабочки не увидишь, которая летала бы, порхала бы по цветкам. Но какая же без всего этого природа? Нет ее.

Стоят кругом серые кирпичные башни высоченные, посмотришь на них снизу, с асфальта, и думаешь: ну какая же возможна в них жизнь, какое получишь удовлетворение? Конечно, квартиры хорошие, благоустроенные, но одна квартира не может дать такой полноты жизни, в которой нуждается каждый человек.

Вчера дочка звонит мне вечером и радуется, что в деревне такие красивые бабочки летают, сидят на стеблях травинки, на цветочках, а одна бабочка села к ней на плечо. А еще одна бабочка села на красный бантик. Подумала, наверное, что это яркий цветок, – тихо, задумчиво рассуждала Ирина Матвеевна, забыв о романтическом ужине. – А природа есть только в деревне.

Я недавно читала один толстый журнал. Там приводятся слова одного видного российского деятеля девятнадцатого века. Этот деятель говорил, что без села нет России. Я полностью согласна с ним.

– Умные люди и сейчас говорят точно так же, – сказал полковник, терпеливо ожидая, когда закончит говорить Ирина Матвеевна.

– Евгений, ты, наверное, недоволен тем, что я много говорю. И чуть не забыла о романтическом ужине.

– Ира, ты очень хорошо говорила, правильно все говорила. Я полностью согласен с тобой. Конечно, человеку нужна природа. Природа не испорченная, не исковерканная цивилизацией и техникой. К этим вопросам надо подходить разумно, осторожно. Вот в чем весь секрет. Ну, а сейчас пора перейти к нашему. Что ты предлагаешь, Ира?

– Евгений, мы будем пить чай или кофе. По выбору. Ты согласен? – склонив голову набок, Ирина Матвеевна с хитренькой улыбкой наблюдала за своим начальником.

– Ира, на твое усмотрение, – спокойно ответил полковник. – Как ты скажешь, так и будет. Я готов пить самую обыкновенную воду, лишь бы сидеть с тобой, разговаривать, смотреть на тебя. Так что, проблем нет никаких.

– Евгений, я живу на девятом этаже. Тебе хочется подниматься на такую высоту?

– Ира, о чем ты говоришь? – удивлялся Евгений Николаевич. – Я хоть на сотый, на тысячный этаж поднимусь, лишь бы ты была там, на этом этаже. Хоть под облака, за облака, лишь бы видеть тебя.

– Ну, хорошо. Во сколько ты поднимешься ко мне?

– Во сколько ты скажешь.

– В шесть часов не рано?

– Нисколько. Хорошее время, – согласился начальник.

– И еще вот что, Евгений, – сказала Ирина Матвеевна. – Многие мужчины, когда приходят к женщине домой, приносят колбасу, всякое питье, конфеты, шоколад и все прочее. Ты приходишь с пустыми руками. У меня все есть. И не ужинай, – улыбалась следовательно. – Я тебя покормлю. Проголодайся как следует. Договорились?

– Конечно, договорились, – не верил полковник, что Ирина Матвеевна разрешила ему придти к ней домой.

- Знаешь, где я живу?
- Ира, конечно, знаю. Ты сейчас идешь сразу домой?
- Да, домой.
- Я тебя подвезу на своем мерседесе. Подожди немного, я схожу быстренько за ним. Он сейчас в гараже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.